Кондратий

БИРКИН

Вредности и фаворитки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Кондратия Биркина (П.П.Каратаева), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI–XVIII веков.

В биографическом очерке Сигизмунда Августа, короля польского, мы говорили о вредном влиянии на характер мужчины воспитания его в кругу женщин; теперь, приступая к жизнеописанию Людовика XIV, нам приходится повторить то же самое. Внук флорентинки и сын испанки, Людовик был одарен пылкой, страстной, неукротимой натурой. На попечение воспитателя своего Перефикса, епископа родезского (впоследствии архиепископа парижского), он отдан был уже в отроческих летах, когда к сердцу его были привиты многие дурные качества – неискоренимые.

- Кондратий Петрович Биркин
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16
  - ○ 17
  - ○ 18
  - ○ 19
  - ○ 20
  - ○ 21
  - ○ 22

- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34

Кондратий Петрович Биркин
Людовик XIV

Олимпия, Мария и Лаура Манчини. – Генриэтта Английская. – Ла Вальер. – Маркиза де Монтеспан. – Маркиза де Тианж. – Мария-Магдалина Мортемар. – Фонтанж. – Маркиза Ментенон (1651–1715)

В биографическом очерке Сигизмунда Августа, короля польского, мы говорили о вредном влиянии на характер мужчины воспитания его в кругу женщин; теперь, приступая к жизнеописанию Людовика XIV, нам приходится повторить то же самое. Внук флорентинки и сын испанки, Людовик был одарен пылкой, страстной, неукротимой натурой. На попечение воспитателя своего Перефикса, епископа родезского (впоследствии архиепископа парижского), он отдан был уже в отроческих летах, когда к сердцу его были привиты многие дурные качества – неискоренимые. Первым из них была непомерная гордость и ненасытное сластолюбие: гордость находила себе обильную пищу в раболепной лести придворных; что же касается до сластолюбия, то и оно было развито в отроке не по летам, благодаря, во-первых, постоянному его обращению в кругу фрейлин и статс-дам Анны Австрийской, во-вторых, вследствие прилежного чтения рыцарских романов, распалявшего и без того пылкое воображение короля-мальчика. Он вбил себе в голову, что ему суждено быть героем вроде Танкреда или Амадиса, но вместо того разыгрывал при дворе своей матери роль Дон Кихота, с тою единственною разницею, что ламанчский гидальго был в летах зрелых, а Людовику едва исполнилось четырнадцать; Дон Кихот был идеалистом, а у его юного двойника сквозь рыцарскую мечтательность прорывалась грубая чувственность. Он лазил в окна комнат, занимаемых фрейлинами, подглядывал в замочные скважины, когда они одевались; наконец, иногда забирался и прямо в их дортуары чрез тайные двери… Горничная Анны Австрийской госпожа де Бовэ (как мы уже говорили) первая посвятила юного рыцаря в таинства любви и толкнула его на поприще разврата, на котором он так успешно подвизался до того возраста, когда бессилие физическое заставило его опомниться и удариться в старческое ханжество.

В восемнадцать лет Людовик был стройный широкоплечий юноша, среднего роста, с высоким лбом, орлиным носом, пламенными выразительными глазами, несколько выдающейся

вперед нижней губой и грациозно округленным подбородком: отличительные признаки бурбонской крови и вместе с тем, по наблюдениям Лафатера, склонности к наслаждениям чувственным. Улыбка его лица, слегка протронутого оспою, была не лишена приятности; говорил он протяжно, с расстановками, с легким недостатком в произношении, заменяя твердый *р* гортанным *г*… Походка у него была величавая, несколько театральная; впрочем, театральность проглядывала не только в движениях Людовика, но и в самых его речах и поступках; он вообще любил и – надобно отдать ему справедливость – умел ходульничать и позироваться. Отличный наездник и ловкий танцор, он удивлял своим искусством на каруселях и в придворных балетах. Избрав своею эмблемою солнце, он действительно ослеплял своими блестящими внешними качествами, но не обладал даром обогревать окружающих душевной теплотой: и северное сияние, и фосфор светят, но греют ли они? Душа Людовика была жестка и холодна, как лед, а от лучей его славы отдавала фосфористым смрадом могильного тления, или, лучше сказать, как фосфор – продукт гниения органического, так и лучистая ореола, которою окружал себя версальский полубог, была продуктом его непомерной гордости и душевной испорченности. Внешность и только внешность занимала Людовика, и ею он маскировал душевное свое ничтожество. Упоминая о его преобладающем пороке – сластолюбии, мы забыли сказать, что оно проявлялось во всех своих видах, т. е., кроме сладострастия, Людовик славился любовью к лакомствам, перешедшею с годами в обжорство; в зрелых летах он просыпался по ночам и ужинал вторично с таким аппетитом, как будто и не закусывал, отходя ко сну. Вследствие этой неумеренности король очень часто страдал расстройством желудка, отражавшимся и на его расположении духа. В эти минуты хандры жутко бывало придворным, невесело бывало народу и страшно бывало приговариваемым к наказаниям – лишние годы каторги, несколько лишних степеней пытки, даже смертная казнь, в тех случаях, когда она могла бы быть заменена пожизненным заточением, – таковы бывали последствия обременения королевского желудка лишним куском паштета… В чужом пиру похмелье!

Восемнадцатилетний Людовик в любовных своих похождениях сделался отважнее и предприимчивее, да и придворные девицы перестали смеяться над его влюбчивостью, так как тут кошке были игрушки, а мышкам слезки. Госпожа де Навайль, надзирательница за фрейлинами, зорко следила за ними, наушничала Анне Австрийской на ее сынка; приказала,

наконец, замуровать потайную дверь, чрез которую Людовик прокрадывался к своим одалискам. Препятствия и выговоры только пуще разжигали страсти в молодом короле. Дочь метрдотеля *Елизавета де Тернан* была первою его любовью, по которой он вздыхал, плакал и томился… месяца два. Видя неприступность красавицы, он поверг свое нежное сердце к стопам фрейлины *де ла Мотт д'Аржанкур* (в январе 1658 года), но и тут ему отвечали совершенным равнодушием, да, кроме того, и строгая матушка задала влюбленному порядочную головомойку. Наш мотылек, согнанный с одного цветка, не замедлил перепорхнуть на другой, и цветком этим была племянница кардинала *Олимпия Манчини.* Будучи годами старше Людовика, она, однако же, отвечала ему вздохами на вздохи, взглядами на взгляды, но и только, а король домогался чего-нибудь посущественнее. Брак Олимпии с графом Суассоном, подобно мечу Александра Македонского, рассек гордиев узел этой платонической связи. Людовик, не унывая, обратился к сестре Олимпии, некрасивой, но умной и хитрой Марии. Кто-то из современников назвал ее обезьяной за хитрость, отчасти же и за наружность: очень смуглая, как арабка, толстогубая, небольшая ростом, Мария живостью движений и игривостью действительно напоминала гориллу или макаку, но и это сходство карикатуры человека с животным не только не охладило, но чуть ли не усилило страсти Людовика к Марии. Начали они перепискою; куда она их завела, об этом история стыдливо умалчивает, но весьма вероятно, что страсть короля вознаграждена не была. Мария Манчини увлекала его в надежде быть не фавориткою, но законной супругой, от чего и Людовик был бы не прочь, если бы в это дело не вмешались кардинал и Анна Австрийская. Как ни честолюбив был Мазарини, но он как человек умный понимал, что подобный брак был бы посмешищем всей Европы, да и его самого поставил бы в неприятное положение.

– Пора женить короля! – решил он сообща с Анной Австрийской, и решение это тем более было непреложно, что оно находилось в тесной связи с событиями политическими; этот брак Людовика XIV с инфантою испанскою Марией Тере-зией (9 июня 1660 года) был могущественною скрепою недавно заключенного Пиренейского мира. Объятья прелестной супруги отвлекли короля от Марии Манчини, впрочем, весьма ненадолго. Довольствоваться ласками жены, имея возможность обладать первейшими красавицами двора… подобное самоотвержение было не в характере Людовика XIV.

31 марта 1661 года Анна Генриэтта Английская, дочь короля Карла I, возросшая во Франции, выдана была за герцога Филиппа

Орлеанского, брата Людовика. Брак этот, следствие политических комбинаций, был ей не по сердцу; втайне она любила Людовика XIV, но умела преодолевать себя и не выказывала ему своих чувств: страдала и ревновала молча. Если бы король менее увлекался страстями, не порхал от одной фрейлины к другой, а обратил бы свое внимание на Генриэтту, почему знать, не нашел ли бы он в ней верную, добрую жену, способную обуздать его пылкость и дать его страстям благородное направление? В политическом отношении родственный союз с Англиею мог принести Франции громадную пользу и устранить многие бедственные столкновения ее с Великобританиею в недалеком будущем… но ничего подобного не было, и Генриэтта покорилась своей безотрадной участи. Двор ее, по составу женского персонала, уподобляли гирлянде живых цветов; так прелестны были фрейлины Генриэтты, между которыми особенно отличались красотой и грацией девицы де Сурди, де Сойянкур, Сент-Эньян, де Вард, Монтозье, Бюсси, де Гиш, Тоннэ-Шарант и ла Вальер, о которой теперь нам предстоит рассказывать читателю.

Луиза Франциска де ла Бом ле Блан де ла Вальер родилась в 1644 году в Туренни и в детстве, потеряв отца, воспитывалась в замке Блуа, принадлежавшем Гастону Орлеанскому. Пятнадцати лет она поступила фрейлиною к Генриэтте Английской и обратила на себя внимание всего двора красотой, умом и грацией, несмотря на маленький физический недостаток: она прихрамывала. Вот что говорит о ней один из современников: «Девица эта роста посредственного, но очень худощава, походка у нее неровная, хромает. Она белокура, лицом бела, рябовата, глаза голубые, взгляд томный и по временам страстный, вообще же весьма выразительный. Рот довольно велик, уста румяные. Она умна, жива; имеет способность здраво судить о вещах, хорошо воспитана, знает историю и ко всем этим достоинствам одарена нежным, жалостливым сердцем».

Охладев к своей супруге, Людовик XIV в Сен-Жермене стал часто навещать свою невестку Генриэтту Английскую, чем подал ей повод думать, что он сочувствует ее безответной любви, но… «умысел другой тут был»: король в толпе фрейлин отыскивал себе предмет страсти, и пламенный его взгляд особенно часто останавливался на молоденькой ла Вальер. Однажды он заговорил с нею, и заметно было, что этот разговор доставил и ему, и ей большое удовольствие. Генриэтта, не подозревая возможности серьезной связи Людовика с молоденькой ла Вальер, не обращала внимания на предпочтение, оказанное ей королем перед другими фрейлинами, из которых многие были гораздо

красивее ее. Однако Людовик в ухаживаньях своих за ла Вальер принялся действовать систематически, как и следовало опытному волоките. Он подарил красавице пару драгоценных серег и браслет, которые она надела и носила постоянно; вскоре связь короля с ла Вальер сделалась сказкою всего двора; фаворитка обратила наконец на себя внимание всей Европы. В Англии и Голландии появились во множестве памфлеты, посвященные более или менее правдивому описанию нежных отношений короля французского к фрейлине герцогини Орлеанской. Из подобных памфлетов особенно замечателен изданный под именем графа

Бюсси-Рабютен и будто бы заимствованный из дневника Генриэтты Английской. Подробности сближения Людовика с его первой фавориткой до того любопытны, что мы приводим их в двух редакциях: по рассказам Бюсси-Рабютена и Тушар-Лафосса – компилированным последним из современных мемуаров. Вот рассказ первого от имени Генриэтты Английской:

«Король, как вам известно, часто посещал меня, чтобы исповедовать мне сердечную свою тоску, мучившую его после отъезда принцессы Колонна,[1] и сокращать время, тянувшееся для него слишком долго. Раз, когда король был скучнее обыкновенного, Роклор, желая вывести его из задумчивости, сказал шутя, что им очарована одна из моих фрейлин, и, передразнивая ее, прибавил, будто она ради сердечного своего покоя не желает более видеть короля. Шутка Роклора развеселила короля. Через несколько дней, выходя из моей комнаты, король увидел девицу де Тоннэ-Шарант[2] и сказал Роклору: «Желал бы, чтоб эта самая любила меня. Не она ли?» – «Нет, – отвечал Роклор, – а вот кто (указав на ла Вальер) и продолжал:– подойдите же, сударыня, подойдите, коль скоро вы так обожаете великого государя!» Эта шутка переконфузила девицу ла Вальер, которая не оправилась от смущения даже и тогда, когда король почтительно поклонился ей и говорил с нею как нельзя учтивее. В этот день она, вероятно, ему еще не понравилась, но он хотел оградить ее от насмешек. Через шесть дней он, увидя ее, часа два разговаривал с нею, и эта беседа решила ее участь. Стыдясь приходить к этой фрейлине, не видаясь со мною,[3] он вздумал разгласить по всему двору, будто влюблен в меня, и при ком-либо из посторонних нарочно ухаживал за мною, нашептывая мне всякие пустяки. В другое же время он заводил разговор о своей красавице, расспрашивая меня о малейших безделицах; видя, что это его тешит, я отвечала ему на все его расспросы. Помнится, как-то фрейлина де Тоннэ-Шарант заболела лихорадкою, а ла Вальер провела с нею целый день, что весьма раздосадовало

короля».

Далее в памфлете находим следующие подробности: «Раз вечером король вместе с королевою-родительницею был у меня. На последней был надет прекрасный бриллиантовый браслет, украшенный миниатюрою, изображавшей Лукрецию. Все мы, дамы, бог знает чего бы не пожелали за эту драгоценность, а я, к чему скрывать, в полной уверенности, что король намерен подарить его мне, всячески подговаривалась к тому, давая ему понять, как бы я была довольна этим подарком! Король, взяв браслет из рук матери и показав его всем моим фрейлинам, сказал девице ла Вальер, что мы все умираем с зависти; она отвечала ему со своими томными ужимками… Тогда король попросил свою мать отдать ему браслет в обмен на другой, что королева и исполнила с удовольствием. По отъезде короля я сказала всем фрейлинам, что, вероятно, завтра же он подарит мне этот браслет; ла Вальер покраснела и вскоре удалилась с девицею де Тоннэ-Шарант, которая видела, как ла Вальер, тихонько вынув браслет из кармана, поцеловала его. Заметив это, она сказала своей подруге:

– Теперь вы знаете секрет короля; смотрите же, умейте быть скромны!

На другой день король, посетив меня, более часу разговаривал с ла Вальер; хотел увезти ее от меня в Версаль, но она не согласилась; выразил желание, чтобы она надела свои серьги, часы, все свои драгоценности и в этом виде показалась мне: она так и сделала. Я при короле спросила, откуда у нее все это, и король за нее довольно грубо отвечал: «Это мои подарки!» Потом он предложил мне приехать в Версаль вместе с этой тварью, и я поехала бы только затем, чтобы хорошенько ее отделать при королеве… Он, вероятно, догадался об этом и в самый этот день выказал нам крайнюю невежливость, оставив нас всех под дождем, а подав руку ла Вальер, прикрыл ее голову своею шляпою. Таким образом он, издеваясь над нами, выставил на позор то, что мы долгом считали хранить в тайне. Вскоре он надарил своей ла Вальер мебели и всяких убранств, в том числе канделябр ценою в две тысячи луидоров. В отплату фаворитка вышила ему нарядный кафтан, которого он не снимал целые две недели, и за него одарил возлюбленную шестью платьями, между ними одно было украшено бриллиантами и таковым же поясом; затем последовал камзол, такой же точно, как у королевы. Ла Вальер была в нем одета во время парада в Венсенне в честь английских посланников. Заметив карету ла Вальер, король подъехал к ней в галопе и полтора часа простоял у дверей без шляпы, несмотря на моросивший дождик. Отъехав, он шагах в

двенадцати встретил кареты обеих королев, но им он только поклонился. Через неделю король и ла Вальер вдвоем поехали в Версаль, где пропировали дней восемь. Возвращаясь в Париж, она упала с лошади. Не будь она королевской любовницей – не ушиблась бы; но тут явилось необходимым кровопускание – по ее желанию из ноги. Врач два раза пробовал отворить жилу и не сумел; король, побледнев как рубаха, пустил ей кровь сам, и фаворитка на целый месяц слегла в постель. Вследствие этого король на два дня отложил свою поездку в Фонтенбло, по возвращении же весьма изволил радоваться; не радовалась только королева: ей было и так довольно горя, а тут еще каждую ночь король стал бредить своей потаскушкой:[4] так королева, плохо знакомая со значением некоторых французских слов, называла девицу ла Вальер».[5]

Таков рассказ Бюсси-Рабютена о первом сближении Людовика XIV с его первой фавориткой, – рассказ, будто бы записанный со слов Генриэтты Английской, герцогини Орлеанской. Переводя этот рассказ, мы нарочно придерживались чуть не площадной простоты слога, более приличного какой-нибудь судомойке, нежели дочери короля английского и невестке короля французского. Трудно поверить, чтобы так выражалась Генриэтта, влюбленная в Людовика XIV и скорбившая о явном предпочтении, им оказываемом девице ла Вальер. Ревность, конечно, могла ослеплять герцогиню; она могла резко выражаться о ла Вальер, но любовной ревности именно мы и не видим: из ее слов скорее видна жадность и зависть, да и завидует-то Генриэтта не любви короля, а его подаркам, которым ведет самый совестливый инвентарь…

Нет! женщина любящая, негодуя на счастливую соперницу, не только не станет оценивать делаемые ей подарки, но даже отвергнет их, если бы жестокосердый вздумал ее самое утешать ими. Этот фальш бросается в глаза, и потому к повествованию Бюсси-Рабютена мы относимся с недоверием. Факт налицо: Людовик пленился девицею ла Вальер и, обольстив ее, возвел в сан фаворитки; но едва ли этот факт сопровождался такими странными эпизодами, которые видим в вышеприведенном рассказе.

Тушар-Лафосс (Chronigues de L'OeiL de boeuf), компилируя свои рассказы из современных мемуаров несколько на романтический лад, едва ли не правдивее Бюсси-Рабютена.

По его словам, скромная, застенчивая ла Вальер при посещениях королем Генриэтты Английской первая пленилась им и засматривалась на красавца. Он и сам обратил на нее внимание, но по какой-то робости долго не отваживался

высказать ей свои чувства… может быть, вследствие искренней симпатии, которая влекла его к ла Вальер, так как истинная любовь всегда робка и труслива. Как-то прогуливаясь в Венсенском парке, он в уединенной аллее подслушал разговор девицы ла Вальер с фрейлиною д'Артиньи. Красавица беседовала со своей подругою о короле и говорила с таким детским простодушием, что король не мог усомниться, что он любим первой, девственной любовью. Ему не стоило большого труда увлечь неопытную девушку, к которой он вскоре душевно привязался, хотя и далеко не до той степени, до которой дошла она в привязанности к нему.

Вначале король вел свою интригу с ла Вальер настолько осторожно, что о ней никто из придворных даже и не догадывался. Любовь свою к ла Вальер он маскировал ухаживаньем за Генриэттой Английской: заказывал Бенсераду или Данжо, своим придворным поэтам, нежные послания, которые передавал ей; она отплачивала ему тем же, в полной уверенности, что она единственная причина частых его посещений сен-жерменского замка… Прежняя любовь Людовика, Олимпия Манчини, графиня Суассон, была проницательнее и ревнивее Генриэтты. Не теряя времени, она открыла герцогине, что она служит королю ширмою – не более. Генриэтта вне себя от бешенства сообщила о связи короля с ла Вальер его супруге, инфанте Марии Терезии и Анне Австрийской и безжалостно поставила любовников между двух огней. Начала разыгрываться семейная драма вперемешку с придворными спектаклями, каруселями и блестящими пиршествами, которыми король тешил свою фаворитку. Любовь можно назвать гипокреною поэта или художника: вдохновляемые этим чувством, они создают произведения образцовые на удивление потомству; эти произведения можно назвать прекраснейшими плодами, созревшими под знойными лучами любви. Людовик XIV – прозаик в душе, – любя ла Вальер, воспевал ее чужими устами и собственной своей любовью к ней вдохновил Мансара, Ле-Нотра и ле-Брена – создателей Версаля. Этот волшебный замок – памятник любви короля французского к ла Вальер, любовная поэма, созданная из мрамора и вместо иллюстраций украшенная статуями, фонтанами, террасами, цветниками и рощами.

Можно положительно сказать, что, если бы Людовик не любил своей ла Вальер, не было бы и Версаля. Замок этот был эдемом, созданным владыкою Франции для своей возлюбленной.

Девятилетний период любви короля к ла Вальер (1661–1670 гг.) можно разделить, подобно периоду годовому, на четыре времени, т. е. весну, лето, осень и зиму. Весна этой любви

началась в Сен-Жермене; знойное ее лето и плодоносная осень продолжались в Версале; зима наступила в стенах кармелитс-кого монастыря, в которых исчезала ла Вальер под белоснежным покрывалом сестры Луизы… Бурями и грозами, с которыми были неразлучны лето и осень этой любви, были гонения и обиды бедной ла Вальер со стороны завидовавшей ей Генриэтты Английской, ревнивой жены короля – Марии Терезии Испанской и сварливой ханжи Анны Австрийской… Целая коалиция! Эти три женщины были тремя фуриями, готовыми подвергнуть фаворитку вместе с истязаниями душевными и лютейшим физическим мукам. Как быть? Во всякой любви ад и рай помещаются стена об стену; недаром же древняя пословица гласит: «Нет розы без шипов, нет сладости без примеси желчи». Истины несомненные; но вознаграждать ли аромат розы за царапины, наносимые ее шипами, а ложка дегтя в бочке меда не уничтожает ли всю его сладость? Могли ли утешать ла Вальер бриллианты, которыми ее осыпал Людовик, за грязь и камни, которыми в нее кидали его мать, жена и невестка; могли ли ее тешить карусели и фейерверки в то самое время, когда те же высоконравственные особы вели против нее подкопы и метали в нее чуть не олимпийскими перунами?

Первый громовой удар грянул со стороны Генриэтты Английской. Она накинулась на ла Вальер, как барыня на крепостную горничную. Не довольствуясь градом насмешек и колкостей, Генриэтта сообщила о связи короля догадывавшимся о ней королевам – родительнице и супруге; последнюю могла бы и пощадить хоть ради ее интересного положения. Призвав к себе юную грешницу, Анна Австрийская принялась читать ей такие нотации и нравоучения, что довела ее до истерики; молодая королева была великодушнее; она хоть не желала допустить ла Вальер к себе на глаза. Доведенная до отчаяния, фаворитка, не сказав ни слова королю, уехала в монастырь Шальо,[6] умоляя аббатису скрыть ее от позора и преследований как любящего короля, так и ненавидящих ее королев. Весть об этом нравственном самоубийстве его возлюбленной возбудила в короле жестокий гнев и негодование. Позабыв свое достоинство, он поскакал в монастырь, как волк в овчарню, и нежданно-негаданно вбежал в приемную.

– Вы не умеете владеть собою, – заметила ему супруга, когда он садился в карету.

– Зато сумею совладать с теми, которые осмеливаются оскорблять меня! – отвечал он в бешенстве и уехал. Когда ла Вальер вышла в приемную, сопровождаемая аббатисою, король заплакал. «Дешево же вы цените жизнь того, кто любит вас!» –

сказал он фаворитке рыдая.

– Господи, умилосердись надо мною! – простонала ла Вальер, падая на колени.

– Господь не заточал вас в монастырь и этого от вас не требует, – сказал ей Людовик XIV. – Страх загнал вас в эту обитель, но я увезу вас отсюда.

– Не страх… раскаяние в моих прегрешениях!

– Раскаиваться вам не в чем. Едемте!

– Государь, – умоляла ла Вальер, – при дворе ожидает меня новый гнев вашей родительницы и супруги.

– Та и другая – мои подданные!

Прямо из монастыря король привез ла Вальер в Пале-Руайяль и ввел ее в комнату Генриэтты Английской.

– Сударыня, – сказал он ей тоном вежливым, но не допускавшим возражений. – Поручаю девицу ла Вальер вашему благосклонному вниманию.

– Буду заботиться о ней, как о родной дочери! – смиренно отвечала Генриэтта.

Другими словами, буду молчать и воле вашей прекословить не стану!

Труднее было примирить с фавориткой негодовавшую на нее молодую королеву Марию Терезию. Посредницею для примирения король избрал госпожу Монтозье и имел малодушие подслушивать ее разговор со своей обиженной супругой.

– Король желает, чтобы вы принимали девицу ла Вальер и ее уверение в чувствах покорности и благоговения.

– Я в них не нуждаюсь! – сухо отвечала королева.

– Осмелюсь сказать вашему величеству, – возразила госпожа Монтозье, – что эта внимательность к королю будет ему весьма приятна; отказ может огорчить его.

– Весьма сожалею, но девицы этой видеть не могу. Я люблю короля, но король только ее и любит.

В эту минуту вошел Людовик. Королева смутилась, покраснела до того, что у нее носом кровь пошла, и она быстро удалилась из комнаты.

Внутренно сознавая, что он перед супругою не совсем прав, Людовик тем не менее употреблял все зависевшие от него средства, чтобы сблизить ее с ла Вальер посредством принятия участия той и другою в придворных празднествах. Этот путь был неудачен; королева чаще всего отказывалась от выходов под предлогом беременности, и ла Вальер являлась на праздниках чем-то вроде наместницы. Ей льстили, перед нею раболепствовали не менее, как бы раболепствовали и перед настоящей королевою. В это самое время ярким метеором

промелькнул при дворе знаменитый Фуке, осмелившийся роскошью своею затмить версальское солнце. Молодой, красивый собою, отлично образованный, Никола Фуке, суперинтендант финансов, вздумал из своего замка воссоздать другой Версаль – царство в царстве. Вокруг этого солнца группировались в виде планет-спутниц, заимствовавших от него свет, старые фрондеры, юные красавицы и многие из даровитейших поэтов того времени. Лафонтен – правдолюбивый в баснях, низкопоклонник на деле, за честь почитал посвящать имени Фуке свои произведения; Скаррон тешил его своими шуточками; чопорная госпожа де Севинье не гнушалась его лукуловскими обедами. Понятно, что Людовику XIV, деспоту до мозга костей, личность, подобная Фуке, была ненавистна. Со своей стороны французский меценат чуть не открыто бравировал короля, хвалясь своими победами над красавицами и даже дерзая домогаться благосклонности ла Вальер. Неведомо какими путями он добыл прекрасный портрет фаворитки в виде Дианы и украсил им стену своего великолепного кабинета; чрез содействие ее приятельницы фрейлины Дюплесси-Белльевр он предлагал ла Вальер двадцать тысяч пистолей за то, чтобы она хоть на один час забыла короля. Современники говорят, будто Фуке достиг своей цели; по крайней мере, Буало в своей XI сатире дерзнул прямо сказать о блестящем Фуке:

Он никогда ни в чем отказа не встречал И над жестокими всегда торжествовал.[7]

Состязаясь с королем в роскоши, соперничая с ним на любовном поприще, Фуке, кроме Людовика XIV, имел еще заклятого врага в лице Кольбера, своего контролера, тайно под него подкапывавшегося. Когда Фуке подвергся опале, остряки, намекая на гербы его и Кольбера (на гербе которого был изображен уж), говорили: «Уж заел белку!»[8]

17 августа 1661 года Фуке давал в своем замке волшебный праздник, который можно было назвать последним, прощальным лучом закатывающегося солнца. Король, Анна Австрийская со всем двором удостоили праздник своим посещением; ла Вальер была царицею празднества, и король не отходил от нее ни на шаг в течение всего вечера. Лафонтен сохранил для потомства описание этого валтасаровского пира и, судя по его словам, подобного изящества, роскоши и великолепия не представлял до тех пор ни один из королевских праздников. Красавицы, наряженные нимфами и вакханками, танцевали целые балеты на воздушном театре; в сумерки великолепная иллюминация озарила цветники и рощи; фонтаны и каскады, казалось, струились алмазами и жемчугами; звезды ракет и бураков

фейерверка соперничали со звездами небесными. Труппа сестер Бежар, приглашенная Фуке, разыграла аллегорический пролог, нарочно сочиненный Пелиссоном; затем играли новую комедию Мольера *Сварливые* (Les Facheux), рассмешившую короля и всех присутствовавших, так как многие лица, в ней выведенные, были скопированы прямо с натуры и зрителям были очень хорошо знакомы оригиналы. Здесь, к слову сказать, Мольер началом своей артистической славы был обязан благородному Фуке, сумевшему его оценить и извлечь из того грязного омута, в котором он вращался, скитаясь с труппою сестер Бежар по ярмаркам. Праздник Фуке окончился великолепным ужином, за которым каждому гостю при десерте подан был кошелек, набитый золотом… И в самый этот вечер Людовик XIV решил гибель радушного хозяина. К этому решению побудила короля не столько безумная роскошь, та золотая пыль, которую Фуке пускал ему в глаза, сколько ревность: обладатель Франции имел средства заживо схоронить расточителя в глубочайшей могиле, до краев засыпанной червонцами, но любовь ла Вальер он тогда ценил выше всех сокровищ в мире, и эту самую любовь дерзкий Фуке намеревался похитить у короля. Этого Людовик простить ему не мог и не простил. Прохаживаясь вместе со своей матерью по пышным чертогам замка Во, король заметил в кабинете хозяина портрет ла Вальер и остановился перед ним как вкопанный, ежеминутно меняясь в лице; рука его, на которую опиралась Анна Австрийская, заметно задрожала.

– Какая дерзость! – прошептал он невольно.

– Что так гневит вас, государь? – спросила Анна Австрийская.

– Что? – переспросил вне себя Людовик XIV, думая одно и говоря другое. – Разве вы сами не видите и не понимаете, что весь этот праздник не что иное, как наглая насмешка надо мной; оскорбление величества с аккомпанементом музыки, сопровождаемое фейерверком и иллюминацией? А герб и девиз этого хвастуна? «До чего не достигну?» Что это, вызов? Перчатка, которую подданный осмеливается бросать своему королю? «До чего не достигну!» – продолжал Людовик, скрежеща зубами. – Ни до чего не достигнешь, потому что я обрублю прыткие лапы твоей геральдической белке… Сию же минуту прикажу арестовать Фуке!

– Государь, у него в доме?

– Дом – не его, он мой! Все, что здесь, все это золото, сокровища, редкости – все куплено на деньги, у меня же накраденные.

– Государь, подобный поступок может затмить вашу славу.

– Мою славу? – повторил король в раздумье. – Хорошо, будь

по-вашему, но будьте свидетельницей даваемого мною слова: недолго чваниться Фуке и падение его недалеко!

Король уехал в десятом часу вечера, отвечая на поклоны провожавших его хозяина и хозяйки брюзгливой гримасой и оскорбительным молчанием. Многие гости остались ночевать в замке; пир продолжался до утра, но утро это сопровождалось зарею гибели тороватого хозяина. Через две недели король со всем двором отплыл в Нант, отдав перед своим отъездом приказание арестовать Фуке. Исполнение этого королевского повеления было возложено на д'Артаньяна, поручика мушкетеров. Посланный со стражею прибыл в замок в то самое время, когда Фуке со своими друзьями тешился балетом, составленным из молодых поселянок. Он удержал за руку Фуке, вышедшего на подъезд, и указал ему на портшез с решетчатыми окнами.

– По королевскому повелению! – заметил при этом д'Артаньян.

– На это его воля, – отвечал смущенный Фуке, – но для его славы я желал бы, чтобы он действовал не с такой скрытностью!

В течение дня той же участи подверглись все приближенные опального и его родственники: де Бетюнь, его зять, архиепископ нарбонский, епископ агдский, братья Фуке – аббат и шталмейстер – были отправлены в ссылку. Повальный обыск в доме арестанта не мог способствовать его оправданию. По счетным книгам обнаружено было, что Фуке ежегодно расходовал до 4 млн. франков на подарки и на взятки вельможам, чтобы тем безопаснее пользоваться хищениями казны. Кроме счетных книг и разных документов, бросавших на него неблаговидную тень, у Фуке были найдены: алфавитная роспись всем красавицам, над которыми он одержал победу, и богатые коллекции любовных писем и женских локонов всевозможных цветов. Имя девицы ла Валь-ер было также найдено в позорном реестре побед счастливого Фуке… Для суда над ним и его сообщниками-казнокрадами назначена была особенная следственная комиссия: преследуя Фуке, подвергая его и сообщников более или менее заслуженной каре законов, Людовик XIV в то же время желал нанести решительный удар партии недовольных, состоявшей из прежних корифеев Фронды. Дело Фуке выдвинуло на первый план Кольбера и Летелье – судей предубежденных, недобросовестных, но вместе с тем прославило имена благородных защитников подсудимого: Пелиссона и д'Ормессона, особенно последнего, который спас голову Фуке от угрожавшей ей плахи. Даже знаменитый Ламуаньон – первый президент парламента, узнавший себя в мольеровском *Тартюфе,*[9] – даже он отступился от участия в следственной комиссии, сказав во

всеуслышание: «Lavavi manus meas (умываю руки)». Вообще говоря, сочувствие к бедному бастильскому узнику выражалось весьма многими. Так, Лафонтен, пользовавшийся щедротами суперинтенданта в счастливейшие дни его жизни, писал ему хвалебные стихотворения даже во время продолжительного ареста Фуке и его процесса. Баснописца предостерегали его друзья, говоря, что он может навлечь на себя гнев короля, но добряк отвечал им:

– Благодарность не порок. Если же за то, что я говорю и пишу о моем благодетеле, я буду привлечен к ответу – не беда! Напишу по этому случаю басню с самым дельным нравоучением!

Если бы великий король имел в своей душе хотя наполовину благородства Лафонтена, он, без сомнения, не отдал бы Фуке под уголовный суд, маскируя обвинением в преступлении государственном соперничество Фуке со своей олимпийской особою и делая из закона орудие личной мести. Что Фуке обкрадывал казну – этот факт не подлежит сомнению, но почему же Людовик XIV до обретения портрета ла Вальер в замке Во молчал и глядел сквозь пальцы на все хищения Фуке и его сообщников? Не явствует ли из этого, что король всегда и во всем личные свои интересы ставил выше государственных? Три года и три месяца тянулся процесс Фуке, окончившийся приговором к пожизненному заточению в крепости Пиньероль. Как мы уже говорили выше, пристрастные судьи подводили его под статью закона, определявшую ему смертную казнь. «Не пожалел бы, – сказал Людовик XIV, – если бы его повесили!» Из мемуаров современников видим, что улики против Фуке были весьма слабы, и надобно предполагать, что суперинтендант, запуская руки в казенные сундуки, умел хоронить концы в воду… Но суть дела была не в казне: единственною причиною гибели Фуке была его любовь к неприкосновенной ла Вальер. Приговор, произнесенный над соперником Людовика XIV, возмутил общественное мнение и послужил какому-то стихоплету темою для следующего водевиля:

Фуке помилован! Веревка продается,
Которую ему враги его сплели…
Теперь веревкой той других вязать придется,
И семерых уж мы сочли:
Кольбер и *Сент-Элен;* прибавим к ним: *Пассора*
И канцлера *Понсе, Беррье*[10] нельзя забыть,
Затем – *Геро, Ноге*… как раз – четыре вора
И трое бешеных… Вязать же их, крутить,
Повесить для позора![11]

Рассказ о падении Фуке отвлек нас от настоящего предмета нашего повествования, и мы возвратимся к событиям, следовавшим вскоре после ареста суперинтенданта.[12]

Королева Мария Терезия разрешилась от бремени сыном. Людовик XIV порадовался рождению дофина именно настолько, насколько требовал этикет; душа его и сердце по-прежнему неизменно принадлежали ла Вальер. Он купил для фаворитки и великолепно отделал дворец Бирон и здесь посещал ее ежедневно, весьма часто проводя время до утра. Независимо от наслаждений любовью, его величество тешился карточной игрой, проигрывая партнерам громадные суммы. Это явное сожительство было соблазном для всего двора, однако же, кроме обеих королев, все молчали и раболепствовали пред фавориткою. Людовик вторично попытался уговорить свою супругу принять девицу ла Вальер в свой штат, и Мария Терезия согласилась с условием, чтобы фаворитка была выдана замуж. Король и сам видел в этом неотлагательную надобность, так как ла Вальер была беременна. Выбор короля остановился было на графе де Варде, но, однако, Людовик раздумал, приняв в соображение, что де Вард в связи с его бывшей пассией, супругой коннетабля Колонна (Мариею Манчини). Эта женщина, со своей стороны, мстя ла Вальер, старалась всячески, чтобы один из ее чичисбеев де Вард или граф де Гиш отбили у короля его фаворитку… Мария Манчини воображала, что король, разлюбив ла Вальер, опять вспомнит былое и возвратится по старой памяти в объятия ее, т. е. Марии. Как бы издеваясь над ее замыслами, но в то же время и над чувствами своими к ла Вальер, король мимоходом завел интрижку с фрейлиной де ла Мотт Гуданкур, девицею очень вольного обхождения. Впрочем, этой мимолетной любовью Людовик XIV тешился несколько дней. Многочисленные враги ла Вальер изощряли все средства к ее низвержению, и в этих кознях, кроме графини Суассон и Генриэтты Английской, принимала деятельное участие Анна Австрийская. На первый случай поручили начать атаку герцогу Мазарини. В одно прекрасное утро, испросив у короля особой аудиенции, этот шут объявил, будто он имел «видение», в котором свыше было открыто ему: «королевство погибнет, если король не отпустит от себя блудницу…*

– А я, с моей стороны, открою вам, – отвечал Людовик XIV, – что у вас голова не в порядке. Советую вам полечиться, а по выздоровлении возвратить в казну все, что из нее было покрадено кардиналом, покойным вашим дядюшкой.

Миссионер со стыда едва нашел двери, за которыми и скрылся, едва держась на ногах; но заговорщики этим не

ограничились. Дня через два к Людовику явился иезуит, отец д'Анна, придворный священник. Сетуя на развращенность нравов, последователь учения Лойолы объявил, что если королю не угодно отпустить ла Вальер, то он, д'Анна, удалится от двора.

– Сделайте одолжение, не удерживаю! – отвечал Людовик, смеясь.

За иезуитом следовала госпожа Гамелен, бывшая кормилица его величества, пользовавшаяся за прежние заслуги правом невозбранного входа в его кабинет и опочивальню во всякое время. Подученная королевой-родительницей и молодой королевой Марией Терезией, эта выжившая из ума, дряхлая Амальтея версальского Юпитера воображала, что двадцатичетырехлетний Людовик все тот же малютка, которого она нянчила во времена оны, придя к нему ранним утром, пустилась в нравоучения, выслушанные королем с ироническим вниманием.

– Бабушка, – спросил он ее по окончании проповеди, – это вам кто же все внушил?

– Небо, государь, само небо!

– Удивительно, право, что в этом деле оно вдохновляет такое множество народу. Советую вам, бабушка, оставить эти сказки и не умножать собою число вдохновенных… Без вас довольно!

– Однако, государь, смею заметить…

– Если вы не желаете, чтобы я приказал не впускать вас…

– Этим вы меня убьете.

– Так живите, но не давайте лишней воли вашему языку.

– Но, государь, загляните хоть на один миг в вашу собственную совесть…

– Госпожа Гамелен, извольте выйти вон.

– И вы решитесь выгнать ту, которая питала вас своей чистейшей кровью? – взмолилась старуха.

– За прошедшее благодарю, но раз навсегда возьмите себе за правило в мои дела не вмешиваться и отвечать только тогда, когда вас спрашивают!

И бедная Амальтея ушла с тем же, с чем и пришла. Вместо чуемого врагами фаворитки охлаждения к ней Людовика любовь его только усиливалась вследствие всех этих каверз… Впрочем, оно всегда так. Любовь как молодое деревцо: чем более его подстригают и подрезывают, тем только более оно разрастается. За разговором с кормилицей не замедлило объяснение короля с его престарелой родительницей. Анна Австрийская принялась читать формальную проповедь, пропитанную елеем иезуитизма и приправленную афоризмами ханжества – разными цитатами; Людовик прервал ее:

– Довольно, матушка, не выводите меня из терпения и не заставьте забыться… Упрекая меня за мое настоящее, не мешало бы вам самим вспомнить свое прошедшее!

Анна Австрийская прикусила язычок, но в тот же вечер в присутствии многих придворных дам и кавалеров она вздумала продолжать свои наставления сыну, на этот раз Людовик XIV действительно забыл всякое уважение к матери и вышел из себя; отповедь его была довольно удачна.

– Не могу понять, – сказал он Анне Австрийской, – почему люди, в молодости жившие далеко не безукоризненно, смеют осуждать других за те удовольствия, которыми они по праву молодости пользуются? Вероятно, из зависти… Так, впрочем, заведено на свете, не нами началось, не нами и кончится! Когда нас утомит любовь, когда мы пресытимся ею и состаримся, *тогда и мы, в свой черед, ударимся в ханжество и пустимся в нравоучения!*

Сам того не подозревая, король пророчил о собственной своей жизни.

– За примерами ходить недалеко. Графиня де Шеврез, она ли не нападает на вольность других женщин, а за самой мало ли грешков? Герцогиня д'Эгийон, принцессы Кариньян, Монако… да им счет потеряешь! Волокитство всегда было и будет; те дамы, о которых не говорят, умеют только хитрее и секретнее вести свои интриги либо связываются с ничтожными любовниками. Госпожа Шатийон и Конде, госпожа де Люинь и президент Тамбонно, принцесса Монакои Пегилльян и т. д. и т. д.,– заключил король, смеясь от всего сердца.

И ла Вальер осталась на месте титулованной фаворитки, к досаде матери и супруги короля и к пущей злобе многочисленных завистниц.

5 июля 1662 года на дворцовой площади дано было Людовиком XIV конное ристалище, или карусель, на котором присутствовали обе королевы, и ла Вальер, разумеется. Наездники были разделены на пять кадрилей: римлян, персов, турок, индусов и американцев; первою предводительствовал сам король, второю – герцог Орлеанский, остальными принц Конде и герцоги Ангиенский и Гюиз. Наездники ловили кольца копьями, сбивали сарбаканами (духовыми ружьями) картонные головы; призы победителям раздавали королевы, но за призами Людовик XIV не гнался: выше всякой награды, дороже рыцарского шарфа, даже лаврового венка он ценил нежные взгляды бесценной своей зрительницы – ла Вальер. Враги фаворитки, на время приутихнувшие, опять принялись за свою подземную работу. Вскоре после каруселя королеве Марии Терезии подброшено было

безымянное письмо, извещавшее ее о связи короля с ла Вальер… Этой выходки мы решительно не понимаем! Зачем, с какой целью извещали королеву о том, что уже почти два года было ей известно? Оказалось по справкам, что эта бумажная бомба была брошена графом де Гиш по научению Генриэтты Английской: дочь Карла I не постыдилась действовать против королевской фаворитки гнусным оружием, которое пускать в ход решится не всякая потерянная женщина. Король отомстил Генриэтте, послав графа де Гиш в Польшу с дипломатическим поручением, и лучшего мщения своей невестке он, конечно, не мог придумать, по крайней мере, на месяц, на два… Там она утешилась, взяв себе другого возлюбленного. Дочь своего века, Генриэтта Английская, герцогиня Орлеанская не могла похвалиться строгостью правил, и скандалезные летописи двора Людовика

XIV сохранили немало сказаний о ее любовных похождениях. Беспристрастное потомство должно, однако же, отнестись к памяти этой женщины не без снисхождения. Она шла замуж за герцога Орлеанского, любя всей душой его брата, короля Людовика XIV. Внимательность и ласки последнего к невестке заронили в ее скорбящую душу луч надежды на взаимность, и вдруг – с небес на землю – оказалось, что она, Генриэтта, служит королю только ширмою, загораживающею его ухаживания за ла Вальер. Подобных обид женщина не прощает. Глубоко уязвленная, Генриэтта для мщения не задумывалась ни перед чем: наушничала, сплетничала, интриговала; даже, как мы говорили выше, унизилась до сочинения безымянных писем… Видя безуспешность всех этих маневров, она очертя голову бросилась в омут распутства, т. е. сделалась в смысле нравственном – самоубийцею.

Мы сравнивали фазисы любви Людовика XIV к ла Вальер со временами года. Прошла весна, и наступило знойное лето. Страсть короля достигла, подобно солнцу, своего поворотного круга: пыл ее служил признаком недалекого охлаждения. Во время вторичной беременности фаворитки (в 1663 году) король почти ни на минуту не расставался с нею, в критическую же минуту родов растерялся, расплакался так, как только может в подобных обстоятельствах растеряться нежнейший супруг. Свидетели и свидетельницы этой сцены не преминули, разумеется, довести о ней до сведения королевы Марии Терезии, матери законного дофина. Припомнила она обстановку своих родин два года тому назад, живо воскресли в ее памяти спокойно-величавые черты супруга в те минуты, когда она, давая жизнь наследнику его престола, сама была близка к смерти… Ни слова сострадания, ни единой одобрительной ласки! Много тайных слез

пролила Мария Терезия в своей уединенной молельне и, терзаемая ревностью, часто жаловалась приближенным на ненавистную ей фаворитку, не стесняясь выражениями.

– Чем эта чахоточная, мерзкая, развратная девчонка, – говорила она, – могла приворожить к себе моего мужа? Между ею и мною разница в возрасте только один год… Или я так безобразна?

На последний вопрос могло дать утешительный ответ – зеркало; что же касается до предпочтения, которое Людовик оказывал своей фаворитке перед супругою, оно могло быть если не объяснено, то оправдано нашей русской пословицей: «Не по хорошу мил, а по милу хорош».

Самой привлекательной и похвальной чертой в характере ла Вальер было ее бескорыстие; никогда ничего она не домогалась и не выпрашивала у короля; подарки его принимала с непритворным неудовольствием; посещая праздники, даваемые в ее честь, душевно скорбила за их роскошь, тяжким гнетом падавшую на бедный народ. Истая идеалистка, ла Вальер была бы вполне счастлива, если бы по примеру пастушек в идиллиях госпожи Дезульер могла жить в хижине со своим ненаглядным, пасти овечек и плести ему венки из роз с куста, насажденного перед дверьми убогого жилища. Таковы были ее желания, конечно, неисполнимые; но король смотрел на любовь иными глазами: роскошь и великолепие были его насущными потребностями. Вместо желанной хижинки он воздвигал дворцы и увеселительные замки; вместо кустика розанов разводил огромные сады, рощи и парки, населенные беломраморными статуями, вместо овечек, беспечно прыгающих на травке, созывал тысячи гостей на балы и праздники. В мае 1664 года в версальских садах он давал восьмидневный праздник в честь ла Вальер на так называемом *очарованном острове.* Программа была составлена по сюжету, заимствованному из Ариоста. Итальянцу Торрелли поручено было приготовить пиротехнические декорации и аранжировать иллюминацию; ле Нотру заняться убранством садов; Мольеру с труппой сестер Бежар сочинить интермедию; Люлли и д'Ассуси написать музыку для балетов и пантомим. В первый день был карусель, на котором призы были раздаваемы королевою Мариею Терезиею; после того: балет, мифологическое шествие Аполлона, Флоры, дриад, сатиров и вакханок. За обедом, сервированным на открытом воздухе, гостям прислуживали актеры и актрисы труппы Бежар, наряженные Горами, временами года и нимфами. Вечером на воздушном театре представляли комедию Мольера *Принцесса Элидская* (La princesse d'ELide), наполненную непрозрачными намеками на

красоту ла Вальер и на нежные к ней отношения Людовика XIV. На другой день в сумерки представляли волшебную пантомиму из влюбленного Орланда, оканчивавшуюся фейерверком, изображавшим пожар и разрушение замка Альсины. Так что ни день, то карусель, турнир, бал или придворный спектакль. Играли комедию *Сварливые* (les Facheux), игранную два года тому назад в замке Фуке. Наконец Мольер читал три первые действия бессмертной своей комедии *Тартюф*. Что представление этой комедии встретило страшную оппозицию со стороны Анны Австрийской и иезуитов двести лет тому назад, это дело понятное, но вот что непостижимо: как в 1859 году известный компилятор Капфиг мог дать о Тартюфе нижеследующий отзыв, который мы ради курьеза выписываем с дипломатической точностью:[13]

«Король переживал тогда эпоху молодости, страстей и забвения своих обязанностей. Французский двор был тогда в разладе с римским первосвященником по случаю ссоры между слугами герцога де Креки, французского посланника в Риме, с корсиканскими гвардейцами его святейшества; Людовик XIV несправедливо занял Авиньонское графство, пользуясь правом сильного над слабым. Действительно невелика была доблесть для дворянства вытеснить из графства охранявшую его горсть швейцарцев. Папа грозил королю великим отлучением, и при этих-то обстоятельствах, благоприятствовавших войне с церковью, Мольер написал первый акт своего Тартюфа. Главный режиссер труппы, актер Бежар, вскормленный учением эпикуреизма, принятый у Гассанди[14] со своими друзьями Шапеллем и д'Ассуси, в глубине души таил ненависть к церкви под личиною человека, притворяющегося набожным. Мольер клеветал на благочестие вообще. И директору ли труппы скоморохов подобало определять и класть разницу между благочестием истинным и ложным? Эти сцены грязного блуда Тартюфа были, без сомнения, задуманы в кабаке, под вывескою Лотарингского креста бок о бок с Лафонтеном, писавшим свои неблагопристойные подражания Боккаччо тем же самым пером, которым Мольер изобразил впоследствии *Мнимого рогоносца* (Le Cocu Imaginaire).

Сначала Людовик XIV противился представлению Тартюфа на сцене. Благочестивая Анна Австрийская еще сохраняла настолько нравственного влияния на своего сына, чтобы внушить ему, что под этими однообразными разглагольствованиями против притворной набожности скрывается коварный замысел против религии. Из-под личины Тартюфа проглядывал человек благочестивый, строго соблюдающий свои обязанности, а под

складками его плаща глумились над истинно благочестивыми монахами святой капеллы и обителей Богоматери, святого Стефана-на-Горе и Валь-де-Грас. У ученика Гассанди, поклонника Лукреция, была своя мысль, которую он весьма умно проводил сквозь все свои сцены и срамные выходки бесстыдной служанки, говорившей только в таком роде: «Если б я увидела вас голым с головы до пят, я бы всей вашей кожей не пленилась»:

Et je vous verrais nu du haut jusques en bas,
Toute vorte peau ne me tenterait pas!

Все характеры, выведенные в Тартюфе, были или неверны, или смешны: и этот отец, который думает головой Тартюфа; и эта сцена, когда этот простак только и расспрашивает, что о Тартюфе, когда дочь и жена его страдают, а в доме неурядицы; и гнусный характер Тартюфа, готовящего позор и умышляющего преступную связь с хладнокровием изверга, и эта развязка под столом во вкусе Скапена.[15] Стихи, скучные сентенции, нет действия, нет интриги. Пьесу эту спасла ее политическая цель – служить страстям Людовика XIV. Король повел образ жизни соблазнительный, который мог навлечь на него осуждение со стороны церкви; Мольер напал на церковь под маскою ханжества; король рукоплескал ему, ибо нуждался, чтобы менее строгие нравственные убеждения набросили покров на его соблазны и беспутства!»

Так громит Капфиг великого Мольера за его Тартюфа… Бедный зоил! В оправдание ему можем сказать, что годами он чуть не Мафусаил, так что едва ли не помнит первого представления Тартюфа.

Кроме Мольера, действительно потакавшего слабостям *великого короля,* его поэтами были Буало и Расин; тот, другой и третий частенько писали по заказу в угоду державному Аполлону. Король неблагосклонно смотрел на бедное дворянство Прованса, видя в нем опасный реактив своему деспотизму; Мольер написал *Господина Пурсаньяка;* короля тревожили сборища фрондеров в отеле Рамбуллье: Мольер осмеял их в *Смешных жеманницах* (Precieuses ridicules)… Буало был едва ли не ра-болепнейшим из всех льстецов стихотворцев, воспевавших Людовика. Громя его врагов сатирами и эпиграммами, он воскурял ему фимиам, способный довести до угара:

Перестань, о государь великий, побеждать.
Иль перестану я победы воспевать!..

Так пел Буало, доходя в своих одах до крайних пределов, до которых только может дойти поэт, ожидающий от милостивца щедрой подачки. Расин почти во всех своих трагедиях под тогами героев древности выводил того же Людовика XIV… Высокий пьедестал, на который был провознесен этот король, сложен из произведений стихотворцев его века; величие этого, в сущности, очень маленького человека создано поэтами; они, гиганты по своим дарованиям, подняли этого пигмея на своих плечах. Единственным человеком, говорившим королю горькую правду в глаза во время его припадков безумной расточительности, был Кольбер. На все праздники и пиры он смотрел со стесненным сердцем и каждый раз писал вместо хвалебной оды сухой, неумолимый счет, изображавший в итогах сотни тысяч франков. Король сердился, ворчал, обещал сократить расходы, ассигновывая бросаемые на ветер суммы на более полезные предприятия. К сожалению, он всего чаще только обещаниями и ограничивался. Ла Вальер и только одна ла Вальер занимала все его помыслы. Безжалостный к ее врагам и недоброжелателям, король, удалив от двора Марию Манчини, назначил ей ежегодную пенсию в 20 тыс. ливров, с тем чтобы она не показывалась при дворе, а тем более ему на глаза. Повинуясь королевскому повелению, племянница Мазарини сказала посланному:

– Другим женщинам платят, чтобы видеть их, мне же наоборот – лишь бы с глаз долой!

В 1667 году король принял личное участие в походе во Фландрию, и эта первая разлука была первым осенним днем его любви к ла Вальер. Именно с этого времени в ее нежное, любящее сердце закралось смутное предчувствие иной разлуки с любовью короля без надежды на ее возврат. Вследствие родов фаворитка заметно подурнела и утратила ту девственную прелесть, которая в первые годы сближения ее с королем так обаятельно на него действовала. Пышный цвет красоты поблек и осыпался, чтобы уступить свое место более или менее горькому плоду, а плодов, т. е. детей, было у ла Вальер трое.[16] Из них один сын и дочь были узаконены под именами графа Верман-дуа и девицы де Блуа. По возвращении из Фландрии Людовик XIV пожаловал девице ла Вальер герцогский титул; указ об этой милости был написан тем же самым слогом, каким в подобных случаях выражался покойный дед короля Генрих IV. «Для вящего и всенародного изъявления нашей благосклонности к нашей возлюбленной и любезно верной Луизе Франциске де ла Вальер жалуем ей высшее почетное звание в знак уважения и особенной любви, возжженной в сердце нашем редкими совершенствами сей особы…»

Это герцогство было, так сказать, нравственной пенсией, которою король вознаграждал свою фаворитку за ее любовь и тот позор, который она вытерпела в первые два, три года своей связи с Людовиком… Так инвалидов при увольнении в отставку от службы награждают чинами и пенсиями. Ла Вальер поняла любящим своим сердцем, что король награждает ее и обеспечивает ее детей для очистки совести, дает ей все блага земные в замену утрачиваемого ею сердца, бывшего для нее единственным сокровищем в мире… Увы! сокровище это король, отняв у ла Вальер, готовился отдать другой избраннице, и избранница эта была не кто иная, как маркиза де Монтеспан, подруга ла Вальер, поверенная задушевных ее тайн, посредница между ею и королем в первый год их любви и блаженства. Более жестокого удара судьба, конечно, не могла нанести бедной фаворитке: в одно и то же время она испытывала неверность любви и коварство дружбы.

Франциска Атенаиса, маркиза де Монтеспан (в девицах де Тоннэ-Шарант) была тремя годами старше ла Вальер и как по наружности, так и по душевным качествам составляла с нею совершенно противоположный полюс. Белокурая, томная, нежная ла Вальер напоминала стыдливую дочь туманного Альбиона или Германии; Монтеспан – пламенная, страстная, с огненным взглядом, могла служить типом чистокровной южанки; одну можно было назвать ясным весенним утром, другую жаркою летнею ночью, приносящею не успокоение, но навевающею страстные сновидения или сопровождаемою томительной бессонницей. В любви ла Вальер Людовик в течение нескольких лет находил покой, отдыхал душою в ее объятиях. Но этот покой его утомил, безмятежность прискучила, в маркизе де Монтеспан он нашел именно ту женщину, которая могла вместо рая дать ему желанный ад любви со всем его пылом и муками.

В 1663 году девица де Тоннэ-Шарант самим Людовиком XIV была выдана за камергера двора герцога Орлеанского Генриха Людовика де Пардайян де Гондрен, маркиза де Монтеспан и в то же время пожалована в статс-дамы королевы Марии Терезии. Замужество нимало не изменило дружественных отношений маркизы с ла Вальер; подруги видались ежедневно; маркиза забавляла фаворитку своими рассказами о придворных интригах, причем, будучи злоязычною от природы, не скупилась на насмешки и колкости. Король иногда любил послушать маркизу Монтеспан и, от души смеясь ее остротам, говаривал, что не желал бы когда-нибудь попасться на язычок колкой рассказчицы, которая, как говорится, не давала спуску никому, кроме разве своей подруги да его величества. Случалось, что маркиза

посещала дом ла Вальер в сопровождении обеих своих сестер и брата,[17] составляя с ними весьма забавный квартет, на котором всему двору доставалась порядочная порция сатир, эпиграмм, нередко весьма ядовитого свойства. Вообще семейство Мортемар принадлежало к категории тех опасных людей, которым ровно ничего не значит ради красного словца оклеветать честного человека, очернить порядочную женщину, опозорить честную девушку. Языков сестер Мортемар боялись при дворе не менее, как в царствование Карла IX страшились кинжалов наемных убийц или тайной отравы. Добрая ла Вальер нередко спорила с маркизою, защищая и выгораживая бедных жертв ее злословия, но маркиза и ее добрые сестрицы, оставаясь глухими на возражения, в подобных случаях давали только пущую волю своим беспощадным языкам, особенно если им случалось говорить в присутствии короля.

Начало его интриг с маркизою де Монтеспан отчасти напоминало его любовные маневры в первый год его знакомства с ла Вальер: ради последней он посещал дворец Генриэтты Английской, ради встреч с маркизою он чаще начал посещать дом своей фаворитки.

Чуткое, любящее сердце герцогини ла Вальер в смутном предчувствии измены Людовика побудило ее наблюдать за королем во время его бесед с маркизою Монтеспан. Людовик говорил с нею мало, он больше ее слушал, причем не спускал с рассказчицы своих страстных взоров, на которые она отвечала таковыми же. Заманивая короля в свои сети, Монтеспан действовала как опытная кокетка, по всем правилам своего рода тактики. Всего прежде ей необходимо было уронить ла Вальер во мнении Людовика, и она очень ловко разрешила эту задачу. Злословя, по своему обыкновению, всех придворных, осмеивая дам и девиц, Монтеспан изредка отпускала какую-нибудь шуточку или насмешку насчет ла Вальер, и король, не вступаясь за свою фаворитку, смеялся точно так же от души, будто речь шла о женщине, ему совершенно чуждой. Ободренная первым опытом, маркиза Монтеспан пошла далее. Подруга детства и юности бедной ла Вальер, она сообщила королю несколько анекдотов из жизни его фаворитки, набрасывавших на нее невыгодную тень. Будто неумышленно она пробудила в памяти Людовика неприятные воспоминания о соперничестве Фуке, соперничестве, по ее словам, весьма успешном. Наконец, всеми правдами и неправдами маркизе Монтеспан удалось унизить ла Вальер в глазах короля, и это унижение было верным залогом близкого падения фаворитки.

Не одаренная качествами или, вернее сказать, пороками,

необходимыми для ведения борьбы с коварной интриганкой, кроткая ла Вальер обратилась к Людовику и без упреков, но заливаясь слезами, выразила ему свои опасения касательно возраставшей его благосклонности к маркизе Монтеспан. Король (как оно всегда бывает в любовных изменах) отвечал ла Вальер уверениями в неизменной своей любви и в совершенном равнодушии к маркизе. «Если бы, – говорил он, – я когда-нибудь и решился изменить вам, то уж, конечно, не выбрал бы в ваши наместницы эту злоязычную женщину. Я люблю слушать ее сплетни, она умеет смешить меня, но далее этого мои отношения к ней не простираются!» Все эти фразы нимало не успокаивали бедную ла Вальер, а поступки Людовика служили им живейшим опровержением. К довершению горя обхождение маркизы Монтеспан с прежнею своею подругою заметно изменилось к худшему; вместо ласк, более или менее искренних, она начала на каждом шагу делать неприятности ла Вальер и говорить ей всевозможные колкости… Вместо того чтобы защищать свою фаворитку от дерзких нападок маркизы, король малодушно молчал или отвечал новой своей возлюбленной одобрительными улыбками. Тогда-то для ла Вальер началась та нравственная пытка, в которой она видела впоследствии наказание небесное за свои проступки. Терзаемая ревностью, в сознании своего бессилия вырвать короля из сетей соперницы, фаворитка в то же время припоминала о тех страданиях, которые переносила королева в те дни, когда Людовик, покинув жену, глухой к ее мольбам и к убеждениям матери, лежал у ног ее самой, ла Вальер. «Вправе ли я требовать постоянства от человека, для меня изменившего своей доброй и любящей жене?» Эта фраза, неумолимая по своей логике, преследовала бедную ла Вальер, с каждым днем усиливая ее душевные муки. Припоминала она то блаженное время, когда Людовик, упоенный страстью, клялся ей в *вечной,* неизменной любви до гроба; даже далее – за пределами вечности. Она верила этим клятвам, в простоте души забывая принять в соображение непостоянство человеческого сердца вообще, а сердца Людовика XIV в особенности. Он по-своему любил ее, покуда она была молода, свежа, покуда, пресытясь любовью, не нашел нового предмета страсти. Стало быть, все его уверения в любви душевной были ему внушены грубой чувственностью; не за ум, не за доброе сердце он любил ла Вальер, а единственно за ее привлекательную наружность. Вдумываясь в эти безотрадные выводы из фактов минувшего и настоящего времени, ла Вальер остановилась на будущем, и оно показалось ей мрачным и грозным, как безбрежное море в бурю. Что оставалось ей в грядущем? Три дороги, на одну из которых неизбежно вступает

женщина, разочарованная в жизни, обманутая и покинутая. Первая из этих дорог вела к той бездне распутства, в которую бросилась Генриэтта Английская; вторая – к самоубийству; третья же – к прощению, покаянию… к Богу; и эту последнюю дорогу избрала ла Вальер, повинуясь голосу своего доброго, незлобивого сердца. Но прежде нежели мы приступим к повествованию об обращении несчастной, не лишним считаем рассказать о событии, ознаменовавшем год сближения Людовика XIV с маркизою Монтеспан (1670). Говорим о смерти герцогини Орлеанской Генриэтты Английской. Несмотря ни на прежние обиды от Людовика, ни на равнодушие, которым он отвечал на ее любовь, несмотря, наконец, на свои частые любовные интриги с другими, Генриэтта не переставала любить неблагодарного. Дружба, которую он питал к ней, отдавая должную справедливость ее уму и доброму сердцу, была – хотя и слабым, но все же – вознаграждением за минувшие огорчения. Как добрый друг, Генриэтта для Людовика была готова на всевозможные услуги, даже на самопожертвование. Получив от Помпонна, своего посланника в Голландии, известие о тайном союзе, заключенном этой республикой с Испанией и Австрией, Людовик, опасаясь, чтобы и Англия не присоединилась к ним, обратился с просьбою к Генриэтте секретно повидаться с ее братом Карлом II, королем английским, и употребить все от нее зависящие средства и родственное свое влияние для отклонения короля от союза, столь опасного для Франции. Генриэтта с восторгом согласилась взяться за это важное дипломатическое поручение и успешно его исполнила. В этом деле ей много содействовала сопровождавшая ее в Англию девица Керуаль, будущая фаворитка Карла, под именем герцогини Портсмут игравшая важную роль в истории его жалкого царствования.[18] По возвращении своем из Англии Генриэтта решилась напомнить Людовику прежнее, счастливое для нее время, когда он оказывал ей благосклонность, хотя и притворную (как впоследствии оказалось), но которая все же доставила ей несколько отрадных дней. Сравнивая себя с Береникой, царицей иудейской, а Людовика с Титом-Цезарем, она поручила написать на эту тему трагедию, сперва Корнелю, а потом счастливому его сопернику Расину. Весь сюжет этой пьесы состоит в том, что Тит, влюбленный в Беренику, колеблется между чувствами долга и страстной любви к своей пленнице. Первые велят ему отпустить ее в Иудею, вторые – оставить красавицу в Риме и самому сделаться ее пленником. И Корнель, и Расин, каждый по-своему, не могли ничего выработать из такого ничтожного сюжета: первый, вместо двух живых людей, вывел в своей трагедии двух античных статуй; второй-двух миниатюрных

куколок из севрского фарфора… Тем легче было признать в лицах расиновской трагедии Людовика и Генриэтту. *Берени-ку* представляли в театре в присутствии короля: он был тронут, Генриэтта плакала; в некоторых монологах многие видели намеки на прежние отношения Людовика к своей невестке. «Ave Caesar, morituri te saLutant»,[19] – могла бы сказать королю бедная герцогиня, присутствуя на представлении *Береники,* если бы предвидела недалекую свою кончину. Она умерла 30 июня 1670 года, скоропостижно, умерла – отравленная! По предписанию докторов она ежедневно пила цикорную воду, сохранявшуюся у нее в комнате в особом шкафу, ключ от которого был постоянно при ней. Накануне ее смерти один из пажей ее видел, как маркиз д'Эффиа замыкал шкаф, робко озираясь. Утром 30 июня Генриэтта выпила свое лекарство и тотчас же почувствовала невыносимую боль в груди и в желудке; несмотря на оказанную ей помощь, она скончалась к полудню, а к вечеру тело ее уже разложилось до крайней степени. В ту же ночь Людовик, призвав к себе метрдотеля покойной герцогини Мореля, сам учинил ему допрос, дав обещание пощадить ему жизнь, если только он чистосердечно сознается во всем. Морель признался, что Генриэтта отравлена им в сообществе с маркизом д'Эффиа и его другом Бевроном. Яд был прислан из Рима высланным туда кавалером де Лоррень, фаворитом… нет, вернее, *любовницею* герцога Орлеанского. Гнусный этот гермафродит не заслуживает имени мужчины.

Верный своему слову, Людовик XIV помиловал Мореля; сообщники его бежали, герцог Орлеанский скоро утешился, и все пошло обычным чередом, как будто Генриэтты Английской никогда и не существовало на земле… Память о ней сохраняется, впрочем, в потомстве благодаря надгробному слову, произнесенному над ее прахом славным Боссюэтом. Бессмертный вития словом своим обессмертил Генриэтту Английскую.

Итак, бывшая соперница и ненавистница ла Вальер сошла в могилу; вскоре за нею последовала и фаворитка, похоронившая себя заживо в стенах монастыря Шальо… Маркиза Монтеспан могла беспрепятственно шествовать к своей цели и достигла ее: связь Людовика с нею перестала быть тайною, двор и весь город знали, что муж ее удален, вознагражденный за великодушную уступку супруги королю очень выгодным губернаторством; что маркиза уже беременна; что две новые комедии Мольера: *Жорж Данден* и *Мнимый рогоносец* (Le Cocu Imaginaire) написаны им глумления ради над обманываемыми мужьями вообще, а маркизом Монтеспан в особенности. Достойный внук своего деда Генриха IV, король, позабыв всякое приличие, занял при своей

новой фаворитке бессменный пост ординарца… скажем более – превратился в ее лакея. Маркиза переехала в Лувр, и, когда пришло ей время разрешиться от бремени, ее камеристка отправилась в карете за знаменитым акушером Клеманом, которого и привезла во дворец с завязанными глазами. Клема-на ввели в спальню, в которой у постели роженицы находился сам король. Не узнав Людовика, акушер попросил у него чего-нибудь поесть и выпить. За отсутствием прислуги Людовик XIV своеручно достал из буфета хлеб, банку варенья и бутылку вина; потчевал Клемана и по его настоянию сам осушил рюмку за благополучное разрешение от бремени своей возлюбленной… Роды были трудные; король во все время не отходил от маркизы, скрываясь за драпировкой постели. Когда акушер, исполнив свою обязанность, поздравил родильницу с сыном, ему опять завязали глаза, вручили кошелек с сотней луидоров и с прежними предосторожностями отвезли домой. Его величество ликовал, торжествовала маркиза… Плакали только две женщины, отыскивая в молитве утешения в их скорби: королева Мария Терезия и *она,* отставная фаворитка – ла Вальер.

Избегая в нашем труде по мере возможности скандалезных подробностей, мы рассмотрим отношения Людовика XIV к маркизе Монтеспан с точки зрения влияния этой фаворитки на дела государственные, на быт придворный и на изящные искусства. Ла Вальер любила в Людовике человека; маркиза Монтеспан – короля; первую ослепляли праздники, блеск и роскошь; вторая, напротив, подобно мифологической Семеле, требовала от своего Юпитера величия олимпийского; ла Валь-ер любила бескорыстно, маркиза Монтеспан эксплуатировала любовь короля. Братцу своему герцогу де Вивонь она выхлопотала титул маршала и главного начальника морских и сухопутных сил королевства. Маркиза сумела охладить короля к Кольберу и к Помпонну и вывела в люди Лувуа. Голландские памфлетисты, смеясь над Людовиком XIV, сетовали на его покорность «потерянной женщине»… За это прозвище маркиза Монтеспан отомстила республике голландской, поддерживая в короле воинственное настроение духа, которое едва не довело Голландию до конечной погибели. На украшения Версаля и на тамошние праздники Людовик XIV при ла Вальер тратил сотни тысяч; в угоду Монтеспан он сорил миллионами. Раззолоченные чертоги версальского дворца, украшенные картинами ле Брена, Миньяра, Жувенеля, Гуасса и Одрана, статуями, изваянными Жирардоном, Марси и Пюже, были обмеблированы произведениями Буля, гениального мозаиста, давшего свое имя мебели высокой наборной работы, ценимой знатоками чуть не на

вес золота. Всем этим художникам покровительствовала маркиза Монтеспан; ее покровительство – надобно отдать ей справедливость – много способствовало успехам изящных искусств во Франции, но не дешево обходились эти успехи государству. Как проводили время в Версале? На этот вопрос находим ответ в письмах госпожи де Севинье, и вот что говорит она об одной из суббот, бывших jours-fixes при дворе Людовика XIV:

«В субботу вместе с семейством Виллар я была в Версале. К семи часам в эти чудные чертоги прибыли: король, королева, герцог, герцогиня,[20] принцесса Орлеанская (Mademoiselle), вся знать, госпожа де Монтеспан со своей свитою, наконец, весь двор. Меблировка – божественная (!!), и все здесь чудесно… Карточная игра в реверси оживляет общество; король садится подле Монтеспан, которая держит игру; тысячи луидоров рассыпаны по столам; иных жетонов здесь нет. Красота маркизы, говоря без шуток, поразительна. Она одета вся в кружева; прическа ее состоит из мелких букель, ниспадающих по вискам, на голове черные ленты, на шее жемчуги, на руках бриллиантовые браслеты… словом – красота торжествующая, которою восхищаются все посланники. Эти собрания самого блестящего общества продолжаются с трех до шести часов пополудни; в случае прибытия депеш король на минуту удаляется для их чтения, потом возвращается к гостям; слушает музыку; удостоивает разговором некоторых дам; в шесть часов прекращает игру. Наименьшие ставки 700 – наибольшие от 1000 до 1200 луидоров; говорят без умолку, и предмет говора постоянно один и тот же: «сколько в червях? Десять… три!» Данжо особенно нравится этот говор, он подтасовывает карты и нагревает руки. В шесть часов катанье в колясках, в котором участвуют король, госпожа де Монтеспан, госпожа де Тианж и г. Гедикур. Коляски эти устроены так, что едущие не видят друг друга, будучи обращены лицами в одну сторону. Затем весь двор расходится кому куда вздумается: кто катается в гондолах на прудах; занимаются музыкой; в десять часов спектакль. В полночь *полунощничают* (on fait la media noche).[21] Так проводят в Версале субботы».

Маркиза Монтеспан, как женщина умная и высокообразованная, покровительствовала всем писателям, прославившим царствование Людовика XIV, в особенности же Мольеру и Ла-фонтену. За это, но единственно за это одно, женщина эта заслуживает признательность потомства. Опять приходится выводить параллель между нею и ла Вальер. Последняя на апогее своего могущества, окруженная льстецами, неизменно оставалась фавориткою; маркиза Монтеспан попала

прямо в королевы – правда, не венчанная, но превосходившая могуществом настоящую королеву, забытую, презренную королем Марию Терезию. Людовика она *обирала* без зазрения совести. По ее настоянию он выдал семейству Мортемар для уплаты долгов 800 000 ливров да сверх того 600 000 ливров герцогу Вивонь при его женитьбе на дочери Кольбера. Итого 1 400 000 ливров – сумма, равняющаяся нашим 350 000 руб. серебром. Одновременно только…

Ла Вальер, томимая душевной скорбью в своем добровольном заточении, опасно занемогла. Людовик не столько по чувству любви или жалости, сколько для очистки совести навестил страдалицу и выразил ей свое участие. Мертвящим холодом веяло от этого участия; не слышно было в нем ни единого задушевного слова. Точно с тем же бесстрастием король преклонился бы пред бывшей своей фавориткой, если бы она лежала в гробу. Не утешение принес он страдалице, только окончательно разбил ее сердце и погасил в нем последнюю искру надежды на сближение! Да и какое оно могло быть, когда король был с головы до ног опутан сетями милого семейства Мортемар? Страдая недугом телесным, ла Вальер выздоравливала душою: в огне горячки истлели ее житейские попечения, перегорали земные страсти. Просветленная, чистая душою, встала она с одра болезни, с твердой решимостью посвятить себя Богу и постричься в монахини строгого ордена кармелиток. Плодом этой решимости была книга, написанная герцогинею под заглавием *Размышления о милосердии Божием* (Reflexions sur La misericorde de Dieu). О намерении своем она сообщила старому маршалу де Белль-фону, который вполне его одобрил. Детей своих, сына и дочь, герцогиня решила отдать на попечение их отца, короля, а кроме детей – что же могло привязывать несчастную к жизни?

Чтобы достойно оценить самопожертвование, на которое отваживалась ла Вальер, надобно иметь понятие о неумолимом уставе, которому был подчинен орден кармелиток. Пост строжайший, а три дня в неделю совершенное воздержание от пищи; отдых не свыше четырех часов времени; облачение из грубой материи; отсутствие обуви; хождение за больными; погребение усопших – хотя бы от моровой язвы – и постоянные молитвы, бдения и стояния ради умерщвления плоти и просвещения духа… Таковы были обязанности кармелиток! Следующее письмо герцогини ла Вальер к маршалу Белльфону всего лучше может ознакомить читателя с тем настроением духа, с которым она решалась отречься от мира, со всеми его заботами и тревогами, в сущности, пустыми и суетными.

«Сен-Жермен-ан-Лэ 6 декабря 1673 года.

Вы удивитесь, узнав от других о случаях касательно удаления моего в кармелитский монастырь. Десять или двенадцать дней говорят об этом, но я еще ничего решительного не предпринимала. Затруднений тьма на каждом шагу; время тянется неимоверно долго, а я жду не дождусь роковой минуты. Клянусь вам, что я поступаю по твердому убеждению и, с милостию Божиею, чувствую себя тверже и решительнее, чем когда-либо».

В следующих письмах находим самые задушевные признания:

«Увлекаемая гибельной привычкой грешить, не имея ни единой добродетели, я имею все слабости ума и сердца. Приходится просить государя, а вы знаете, как это мне тяжело; свет против моего намерения, но я на это не жалуюсь: свету ли щадить меня, когда я пред его лицом не побоялась гневить Бога?»

Два месяца колебалась ла Вальер и наконец положила решение неизменное. Она просила Людовика XIV дать ей свое согласие на поступление ее в монастырь. Если бы Расин, вместо своих древних героев, взглянул на ла Вальер и на короля – вот где он мог бы найти богатый сюжет для трагедии не классической, правда, но зато выхваченной живьем из действительности. Бедная, отставная фаворитка шла к бывшему своему возлюбленному и властелину за своим собственным смертным приговором, долженствовавшим навсегда отделить ее от мира, похороненную заживо в стенах монастыря. Она шла с надеждою, что Людовик скажет хоть одно слово против предпринятого ею намерения; она ждала этого слова, которое должно было помирить ее с жизнию – и не дождалась. Король очень равнодушно отвечал герцогине, что мысль идти в монастырь – мысль благая, отклоняться от которой было бы даже грешно… Так последняя нить была порвана! Кающаяся грешница ла Вальер от короля отправилась к его супруге и в присутствии всего двора на коленях просила у нее прощения за свои минувшие грехи, за свое прошедшее счастие… каялась в своем блаженстве!

Истая дочь Испании, королева Мария Терезия была глубоко тронута и вполне удовлетворена благородным поступком и истинно христианским смирением своей бывшей соперницы; она ее простила и в знак совершенного забвения былых неприятностей лично присутствовала при пострижении ла Вальер (1675), с этой минуты смиренной сестры Луизы… Аббат Фромантье говорил проповедь; десница Боссюэта осенила Луизу благословением на великий подвиг «вольной страсти», которая

отныне должна была поглотить все страсти и житейские попечения развенчанной фаворитки. Пал с ее головы венок, сплетенный из роз и мирт, пряди волнистых кудрей пали под ножницами, и белое покрывало осенило голову, в которой утихли грешные мысли, угасли желания и надежды…

А Людовик XIV этим временем блаженствовал в объятиях госпожи Монтеспан и тешился забавными россказнями ее остроумных и злоязычных сестриц. Прежде нежели мы поговорим о его препровождении времени в этом приятном собеседничестве, скажем последнее слово о ла Вальер. Сестра милосердия Луиза подчинилась безропотно строгому уставу ордена кармелиток и, отрешась от света, посвятила всю свою жизнь до последней минуты добрым делам, хождению за больными и молитве. Ее жизнь в монастыре могла назваться примерною. Она не скрывала ни от кого заблуждений молодости и припоминала минувшее с полным сознанием ничтожества жизни. Вольтер, неумолимый бич ханжества и лицемерия, отдал должную справедливость сестре Луизе. «Обращение ее к Богу, – говорит он, – прославило ее так же, как и ее нежность. Она была монахинею в Париже и пребыла ею неизменно: одевалась в власяницу, ходила босая, строго постилась, проводила ночи в пении молитв, нимало не сетуя о былой роскоши и той неге, в которой она проводила свою молодость. Тридцать пять лет прожила она таким образом (1675–1710). Если бы король наказал подобным заточением виноватую, его назвали бы тираном, а между тем так наказывала себя сама ла Вальер за то, что любила его.» Она скончалась 7 июня 1710 года, за пять лет до кончины Людовика XIV, примирившись со своими врагами и в самой искренней дружбе с госпожою Монтеспан, своею бывшею соперницею, в свою очередь, свергнутою госпожою Ментенон.

Госпожа де Монтеспан, как мы говорили, достигла апогея могущества, пользуясь благосклонностью короля вместе со своими сестрами: маркизою де Тианж и Мариею, аббатисою монастыря Фонтевро. Людовик XIV не стеснялся и, любя одну грацию, не хотел обижать остальных двух. Султанша-валиде, т. е. госпожа де Монтеспан, в течение пяти лет подарила ему четырех детей, воспитательницею которых была вдова поэта Скаррона Франциска д'Обинье. Старший сын герцог Мэн (род. 10 марта 1670) был узаконен королевским указом 29 декабря 1673 года, невзирая на возражения парламента.

Франциске д'Обинье, вдове Скаррон, было тогда около 35 лет, и она до того времени была известна королю с весьма ему частыми просьбами о пенсии и пособии. Ее отец, Агриппа д'Обинье, прославился во время войн кальвинистов как самый

рьяный их защитник, человек честнейший и редких правил. По повелению Ришелье он вместе с женою своей был заточен в крепость Ниор, в которой 27 ноября 1635 года родилась у них дочь Франциска. По повелению кардинала она была крещена по обряду католическому. Восприемниками ее были герцог Ла Рошфуко, губернатор Пуату, и графиня де Нейльян, супруга коменданта крепости Ниор. Тетка Франциски маркиза де Вильет, кальвинистка, взяв ее к себе, хотела воспитать в правилах кальвинизма, но девочка была у нее отнята и возвращена отцу, переведенному в новую тюрьму Шато-Тромнетт. Отсюда все семейство д'Обинье было отправлено в ссылку на остров Мартинику. Воспитание семилетней Франциски было строгое, отчасти педантическое; мать читала ей постоянно Библию и жизнеописание великих людей Плутарха, в переводе Амиота. Отец вскоре умер, оставив жену и дочь в крайней нищете. С великим трудом они возвратились на родину во Францию, где их приютила маркиза де Вильет, возобновившая попытки обратить свою племянницу в кальвинизм. В это дело вмешалась Анна Австрийская и, отдав Франциску другой ее тетке, госпоже де Нейльян, приказала поместить ее в женский монастырь улицы Сен-Жак. Потеряв мать, пятнадцатилетняя Франциска возвратилась к госпоже де Нейльян, которая начала вывозить ее в свет, именно в собрание кальвинистов в квартале Марэ. Здесь Франциска встретила кавалера Мере, о котором сохраняла воспоминание всю свою жизнь. Мере, ловкий, остроумный, превосходно образованный, приятель Нинон Ланкло, Скаррона и один из корифеев кружка фрондеров, ввел *молодую индианку*[22] в гостиную Нинон, вскоре тесно сблизившуюся с будущей маркизой Ментенон. В гостиной барского дома д'Альбре она встретила поэта Скаррона, бедного, расслабленного, предложившего ей свою руку, пораженную параличом и, несмотря на это, принятую Франциской. Расслабленный телом, но бодрый духом, здоровый умом, Скаррон был солнцем той сферы, в которой, как звезды первой величины, блистали многие поэты и остроумцы того времени. Неистощимо-веселый, даже среди невыносимых физических страданий, Скаррон щедрою рукою сыпал шутки, остроты, экспромты; собеседники ловили каждое его слово и наслаждались чтением этой живой книги в ветхом, исковерканном переплете. Злые языки поговаривали, будто молодая Франциска была нечувствительна к нежным заискиваниям Виллярсо, с которым будто бы имела свидания у Нинон Ланкло… Мудреного ничего нет, но Скаррон, как человек рассудительный, и не требовал от своей жены безукоризненной верности; ему была нужна не жена, а сестра милосердия, и

Франциска исполняла ее тяжкие обязанности с терпением и истинно родственной заботливостью. Десять лет прожила она со своим мужем, скончавшимся в 1660 году и не оставившим ей в наследство ничего, кроме известного доныне своего имени.[23] Друзьями вдова Скаррона не была забыта: Нинон любила ее по-прежнему и помогала ей, девица Скюдери, семейство д'Альбре не изменили к ней своего расположения. В доме д'Альбре она встретила маркизу де Тианж, одну из трех граций Мортемар. Супруги д'Альбре просили эту сестру могущественной Монтеспан попросить короля о выдаче пенсии вдове Скаррона, существовавшей покуда чуть не доброхотными даяниями своих друзей и между прочими суперинтенданта Фуке. Ей представлялись выгодные партии, но она, по совету Нинон Ланкло, предпочитала бедную независимость богатой неволе. Не надеясь на протекцию сестер Мортемар, вдова Скаррон решилась искать места компаньонки на отъезд и имела виды на поступление в эту должность к герцогине Немурской, которая уезжала в Португалию. «Сердце мое свободно, – писала она к одной из своих приятельниц, – и всегда останется свободным. На людей особенно рассчитывать нечего: когда я ни в чем не нуждалась, я могла бы добиться всего, а теперь, когда терплю нужду, встречаю одни отказы». Королю она до того надоедала частыми прошениями, что он однажды сказал в приемной:

– На меня падает целый дождь просьб вдовы Скаррон!

Несмотря, однако же, на свою любовь к независимости, вдова Скаррон умела ловко льстить и низкопоклонничать; мастерица говорить красно, она, подобно лисице, льстящей вороне в басне, обладала искусством находить «уголок в сердце», обучившись этому искусству в школе нищеты. «Бедность не порок» – говорит пословица; но опыт веков прибавляет к этому: не порок, но проводник ко всевозможным порокам; из них же первые: лесть и низкопоклонничество. Вдова Скаррон раболепствовала пред семействами д'Альбре и Фуке, льстила маркизе Тианж и косвенно ее сестрице, говоря, что не уедет до тех пор из Франции, покуда не увидит «дива». Под этим именем она разумела маркизу де Монтеспан. Фаворитка допустила ее до своего лицезрения; попросила за нее у короля, и Людовик XIV пожаловал горемычной вдовице пенсию в 200 пистолей. При появлении вдовы Скаррон в дворцовой приемной, пришедшей благодарить короля за его милость, Людовик сказал ей несколько любезных слов, причисляя себя к ее друзьям. Пенсия сама по себе, но король, награждая вдову Скаррон, имел в виду дать ей должность, которая, по его мнению, была самая подходящая к ее способностям; именно он хотел поручить ей воспитание сына и дочери, побочных своих

детей от госпожи Монтеспан.[24] Самая главная задача воспитательницы заключалась в том, чтобы она сохраняла в строжайшей тайне истинное происхождение своих питомцев, даже от прислуги. Предложение вдове Скаррон сделано было через герцога Вивонь, и отказа, конечно, не воспоследовало.

Воспитательный дом побочных детей короля, находившийся на улице Вожирар, был для вдовы Скаррон преддверием ко дворцу королевскому; но прежде нежели она более или менее нечистыми путями достигла цели своих властолюбивых желаний, она в течение пяти-шести лет играла весьма жалкую роль, нянчась с королевскими деточками. Вот подлинные ее признания о том образе жизни, который она вела в уединенном доме на улице Вожирар:

«Я лазила по лестницам, исправляя должность обойщиков, потому что вход в детские был им воспрещен. Кормилицы из опасения, чтобы у них не портилось молоко, ни к чему не прикладывали рук. Весьма часто я переходила от одной к другой, подавая им белье, кушанье; ночи проводила при больных детях, а к утру возвращалась в свою городскую квартиру и, переодевшись в другое платье, посещала знакомых моих, д'Альбре и Ришелье, именно затем, чтобы отклонить от себя всякие подозрения насчет вверенной мне тайны. Чтобы не краснеть при нескромных расспросах, я часто отворяла себе кровь».

Вот оно, геройское усердие; вдова Скаррон служила верой и правдой, проливая кровь если не за отечество, то за королевских детей.

Однажды король пожелал их видеть у себя в Версале, куда они прибыли со своими кормилицами и воспитательницею, которая осталась в приемной, даже в прихожей.

– Чьи это дети? – спросил король у кормилицы.

– Вероятно, той дамы, – отвечали они, – которая живет у нас. По крайней мере, судя по ее заботливости о них и попечениях, она, вероятно, их мать.

– А кто же отец? – продолжал допрашивать король.

– Должно быть, какой-нибудь знатный господин или президент парламента.

Этот последний наивный ответ рассмешил короля до слез.

Дети подрастали и с рук кормилиц перешли на попечение вдовы Скаррон, которая и в этом случае отличилась своим усердием, за что выдаваемая ей пенсия была увеличена до 600 пистолей. Госпожа Монтеспан осыпала ее своими милостями; король покуда особенной ласки не оказывал, смотря на нее как на охотницу поумничать и на педантку. По совету докторов маленький герцог Мэн для излечения от сведенной ноги должен

был ехать в Антверпен в сопровождении вдовы Скаррон; на следующий год он пользовался водами в Баньере. Во время обоих путешествий вдова Скаррон вела переписку с госпожою Монтеспан. Из писем гувернантки явствует, что она добивалась подняться во мнении короля, о чем и умоляла свою высокую покровительницу. Фаворитка, не допуская мысли, чтобы ничтожество, подобное вдове Скаррон, могло когда-нибудь встать ей поперек дороги, просила за нее Людовика XIV, аттестуя ее с самой выгодной стороны. Следствием этого ходатайства было расположение короля, которое он не замедлил доказать вдове Скаррон по ее возвращении из чужих краев. Беседуя с герцогом Мэн, весьма довольный умными его ответами, король выразил любезному своему сыну совершенное свое удовольствие.

– Государь, – отвечал герцог, – не удивляйтесь моим разумным словам: меня воспитывает дама, которую можно назвать воплощенным разумом.

– Прекрасно! Скажите же ей, что я ей жалую десять тысяч пистолей, вам на конфеты.

Эти десять тысяч были основой будущих успехов вдовы Скаррон. Вскоре после того госпожа Монтеспан поместила ее в своем отеле, дав хорошее жалованье, но обращаясь с нею с самым оскорбительным пренебрежением. У фаворитки появилась какая-то антипатия к гувернантке сына; психолог назвал бы эту антипатию – предчувствием. Несколько раз госпожа Монтеспан жаловалась королю на вдову Скаррон, на что он равнодушно отвечал:

– Так прогоните ее; ваша воля!

Но по какому-то роковому предопределению фаворитка не прогоняла будущую свою наместницу. Владычество маркизы Монтеспан длилось шестнадцать лет (1670–1686), и этот период небезынтересно проследить погодно, взвесить, сколько добра и зла эта женщина принесла Франции.

Война с Голландией вооружила против Людовика XIV Германию, Испанию и Лотарингию; Великобритания колебалась между выбором к сохранению союза с Францией или приступлением к коалиции против нее.

Во время этой борьбы с Европою маркиза Монтеспан, пользуясь влиянием своим на короля, убеждала его принимать личное участие во всех военных действиях, и его пример увлекал все дворянство и всю знать. По возвращении на зиму с театра войны король потешался праздниками в Версале. Фаворитке удалось охладить расположение Людовика к Кольберу и поставить во главе государственного управления Лувуа и ле Теллье; на украшения версальского дворца и его садов

расходовались баснословные суммы. На одном из спектаклей дворцового театра был представлен *Амфитрион,* комедия Мольера, в которой под маскою Юпитера нетрудно было узнать короля, а под маскою Алкмены его фаворитку.

Людовик XIV тогда вел действительно образ жизни, напоминавший веселое житье олимпийского царя богов. Маркиза Монтеспан была Юноною; ее сестры и многие из придворных дам и девиц были нимфами и полубогинями, которых удостаивал ласками своими версальский Юпитер.

Супруга принца *Субиз* гордилась тем, что новорожденный сын ее (1674) похож на Людовика XIV; за нею ласками короля пользовалась госпожа *деЛюдр,* немножко косноязычная, но очень приятная особа. На придворном балу какой-то наушник намекнул королеве Марии Терезии о благосклонности короля к этой красавице.

– Это не мое дело, – отвечала королева, – скажите об этом госпоже Монтеспан.

Следовавшая затем связь короля с графинею *Граммон* была расстроена фавориткою, убедившею Людовика, что графиня отчаянная янсенистка. Бросив ее, король утешился девицею *Гедами,* побочной дочерью герцога Ангиенского, молоденькою красавицею, едва вышедшею из лет отрочества… Наконец, в 1679 году Людовик сблизился с девицею *де Фонтанж.*

Подобно ла Вальер, фрейлина герцогини Орлеанской, *Ангелика де Скорайлль де Рувилль-Фонтанж,* родившаяся в 1661 году, была дочерью небогатого руэргского дворянина. Безукоризненная красавица, белокурая, с прелестными голубыми глазами, девица Фонтанж пленила короля молодостью, свежестью, но уж никак не умом, весьма ограниченным. При первой встрече с нею Людовика маркиза Монтеспан сама обратила на нее его внимание, назвав девицу Фонтанж прекрасной статуей. Триста тысяч ливров покорили ее сердце обладателю Франции. Как бы в вознаграждение маркизы Монтеспан, окончательно уволенной от звания фаворитки, король предложил ей титул герцогини, пожалованный и девице Фонтанж вместе с 1 200 000 ливров ежегодного содержания.

– Нет, государь, – отвечала гордая фаворитка, – предоставляю эти титла каким-нибудь ла Вальер и Фонтанж. Герцогская корона им нужна, чтобы приблизиться к вам… Я, по моим родовым правам, выше их и не утратила бы моей знатности, даже если бы не имела счастия вам нравиться.

Двор, недавно раболепствовавший пред маркизою Монтеспан, теперь склонился в прах пред герцогинею Фонтанж; воля ее, малейшая прихоть – была законом для всех, начиная с короля.

Она ввела в моду прическу, сохранившую ее имя от забвения в позднейшем потомстве. Как-то на охоте в лесах Фонтенбло красавица, носясь на коне, растрепала свою прическу и, чтобы поправить ее, обвязала голову лентой. Эта незатейливая куафюра очаровала короля, и он просил свою возлюбленную, чтобы она другой не носила. Примеру ее последовали все придворные дамы и девицы, и прическа a La Fontanges еще была в моде лет сорок тому назад.

Неизбежное последствие любви короля – беременность обезобразила прелестное личико красавицы: худоба и отвратительные хлоазмы на лице не могли быть привлекательны для короля, так же точно, как пятна на нежном плоде для лакомки. Прием короля, оказанный герцогине при ее появлении при дворе в интересном положении, дал ей понять, что прошло ее время.

– Дитя мое, – сказала ей маркиза Ментенон (бывшая вдова Скаррона), – таков у нас обычай: обожаемая сегодня позабывается завтра. Всего благоразумнее с вашей стороны было бы, не дожидаясь удаления, удалиться самой, добровольно. В первом случае вы сбережете к себе некоторое уважение от людей, во втором – навлечете на себя только стыд.

– По вашим словам, – отвечала герцогиня, – оставить короля так же легко, как переодеть платье!

Однако же она удалилась в аббатство Шелль, где находилась аббатисою ее сестра; отсюда она переехала в аббатство Пор-Руайяль. Трижды в неделю король присылал к ней герцога ла Фельяд справляться о ее здоровье, которое ухудшалось день ото дня. Чувствуя приближение кончины, бедная фаворитка пожелала увидеть короля, и он исполнил ее желание – пришел, чтобы окончательно разочароваться. Перед ним вместо недавней красавицы лежал еле дышащий остов, обтянутый кожею…

– Государь, – сказала умирающая, – вот что осталось от той женщины, которая доставила вам несколько дней счастия, к ногам которой еще полгода тому назад вы были готовы сложить вашу корону… Неужели в вас нет жалости?

Людовик залился слезами, покрывая ими иссохшую руку герцогини.

– Теперь я умру спокойно, – прошептала она, – меня оплакал мой возлюбленный, мой король!

На другой день, 28 июня 1681 года, она скончалась. Ребенок, ею рожденный, прожил несколько дней.

Нескромная – скажем более, зверская радость маркизы Монтеспан при вести о кончине соперницы была причиною разрыва между королем и ею, чему, впрочем, немало

способствовали происки и подпольные интриги маркизы Ментенон. Возвышение этой женщины могло служить самым ясным доказательством, насколько ум выше красоты, насколько искусство ловко интриговать выше самого увлекательного кокетства. Если бы красота маркизы соответствовала ее уму, она была бы первой красавицей в мире, но, превосходя всех прежних фавориток умом, она далеко уступала им в красоте. Пресыщенному наслаждениями чувственными, одряхлевшему от распутств, Людовику XIV, в эпоху его сближения с маркизою Ментенон, было уже под пятьдесят лет. Неумолимая старость, предтеча смерти, избороздила лицо его морщинами, посребрила сединой его кудри, лишила прежнего блеска его глаза, когда-то имевшие такую обаятельную силу на самых непреклонных красавиц. Сердце, никогда не отличавшееся особенною мягкостью, совсем очерствело; в слабеющей памяти сохранялись кое-какие воспоминания о былом, но воспоминания эти были безотрадны. Келья ла Вальер, гроб Фонтанж, миллионы, рассоренные на прихоти маркизы Монтеспан и ее родни, – вот те картины, которые воскресали в воображении короля при воспоминании о минувшем. Именно теперь он чувствовал потребность в верной и заботливой подруге остатка своих дней, и подругою этого нравственного инвалида была маркиза Ментенон – в молодости своей заботливая сиделка бедного калеки – Скаррона.

Начало ее жизненного поприща нам известно: жалкая, полунищая паразитка, богатая умом и образованием, она ради куска насущного хлеба определилась в гувернантки к побочным детям маркизы Монтеспан. Последняя, третируя ее, имела, однако же, настолько великодушия или самоуверенности, что расположила предубежденного короля в пользу вдовы Скарро-на. Людовик в начале своего знакомства с гувернанткою своих детей неоднократно высказывался против ее педантизма и неуместного умничанья; снисходя на просьбу маркизы Монтеспан, он в 1674 году пожаловал вдове Скаррона поместье Ментенон с правом носить это имя. Смиренная в бедности, ловкая пройдоха приосанилась и сделалась посмелее, благодаря обеспеченному своему состоянию. При столкновениях с маркизою Монтеспан она отвечала колкостями на ее грубости и, будучи несравненно ее умнее, нередко заставляла молчать неотразимыми логическими доводами. Пострижение ла Вальер произвело глубокое, потрясающее впечатление на весь двор: пожилые грешницы ставили ее в пример молодым, внушая и проповедуя им всеми забытые правила нравственности; знаменитые вития: Боссюэт, Бурдалу, Массильон громили разврат с высоты церковной

кафедры, напоминая сильным мира сего о бренности и ничтожестве жизни человеческой. В великом посту 1675 года маркиза Монтеспан под обаянием проповедей Боссюэта вздумала отказаться от света и, удалясь в уединение, оплакивать там свои прегрешения, вольные и невольные. Об этом намерении она сообщила маркизе Ментенон, которая, разумеется, не только не отговаривала фаворитку, но, заключив тайный союз с Боссюэтом и Флешье, просила их укрепить маркизу Монтеспан в благом ее намерении всею силою их красноречия… Боссюэт убедил фаворитку, что ее удаление будет великим подвигом, за который Бог, конечно, простит ей все ее грехи; к голосу Боссюэта присоединил свой голос друг и приятель маркизы Ментенон – аббат Гобелен. Лукавая Ментенон в этом случае перехитрила почтенных отцов иезуитов, уверив их, что единственная ее забота – с удалением фаворитки сблизить короля с его супругою.

Маркиза Монтеспан удалилась наконец в замок Кланьи, с тем чтобы… весьма скоро оттуда возвратиться, жалея о своем недавнем раскаянии. После двухнедельной разлуки с фавориткою Людовик XIV стосковался по ней и весьма нежным письмом, посланным чрез Боссюэта, умолял маркизу Монтеспан возвратиться опять ко двору и в его объятия. С этого времени вражда между обеими маркизами, Монтеспан и Ментенон, сделалась явною; они боролись из-за короля, как два вора из-за дорогой добычи. Маркиза Ментенон со своими иезуитами старалась обратить Людовика на путь истинный с тем, чтобы быть его спутницею… Фаворитка, напротив того, всячески вовлекала его в разврат, обольщая не только своими блеклыми прелестями, но еще, кроме того, сватая ему из толпы придворных молоденьких и хорошеньких девушек. Одна заботилась о его душе, другая о грешном теле. Не желая обижать ни той ни другой, король жил какой-то странной, двойственной жизнью, совмещая в ее образе черты и христианина, кающегося грешника, и поклонника Корана, погрязнувшего в грехах. Утомленный негою в стенах своего версальского гарема, Людовик удалялся в часовню для молитвы или проводил несколько часов в собеседничестве своего духовника иезуита, отца ла Шеза, наоборот, утомленный проповедями, он опять обращался к своим одалискам, между которыми маркиза Монтеспан по-прежнему разыгрывала роль султанши-валиде.

Именно в это время случилось приключение, по которому можно судить о тех отношениях, в которых находились друг к другу маркизы Монтеспан и Ментенон. Людовику XIV вздумалось посетить кармелитский монастырь, в котором находилась ла

Вальер. Стены смиренной обители едва могли вместить в себе огромную свиту, сопровождавшую французского падишаха. Герцогиня Ришелье, чтобы чем-нибудь занять Людовика, предложила тут же в монастыре разыграть лотерею, состоявшую из четок, крестиков, образков и тому подобных предметов, которые, в сущности, не игрушки, но в тот век, при шаткости религиозных понятий, подобный взгляд на священные символы был почти извинителен. Ла Вальер, или, правильнее, сестра милосердия Луиза, выиграла статуэтку кающейся Магдалины. Этот выигрыш заставил призадуматься маркизу Монтеспан.

– Сестра моя, – сказала она Луизе, – неужели в стенах здешней обители вы нашли свое счастие?

– Спокойствие? Да… А вы нашли ли свое счастие в мире?

– Нет, я не нашла ни спокойствия, ни счастия…

– В этом самом, – заметила маркиза Ментенон, – именно и есть существенная разница между Магдалиною покаявшеюся и Магдалиною грешницею…

Маркиза Монтеспан взглянула на соперницу глазами разгневанной Юноны и ядовито возражала:

– Во всяком случае, Магдалина *грешница* или *покаявшаяся* гораздо лучше Магдалины, *готовящейся быть грешницею!*

Маркиза Ментенон имела над маркизою Монтеспан то великое преимущество, что у королевы Марии Терезии сумела снискать к себе самое искреннее расположение. Бедная, покинутая супруга Людовика XIV смотрела на маркизу Ментенон как на доброго гения, чуть не ангела-хранителя распутного короля.

В 1680 году Людовик XIV пожаловал маркизу Монтеспан в гоф-мейстерины к королеве Марии Терезии, купив эту должность у графини Суассон за 200 000 талеров.

– Видно, такова судьба моя, – сказала при этом королева, – чтобы супруг мой брал себе любовниц из толпы моих служанок или заставлял любовниц быть моими служанками.

Маркиза Ментенон была назначена в камер-фрау к супруге дофина баварской принцессе, в том же 1680 году прибывшей в Париж. Это назначение более прежнего сблизило маркизу с королем и, кроме того, с семейством дофина – будущего короля и всеми его приближенными. «Я уверен, – говорил Людовик XIV, – что беседы маркизы с моей невесткой будут иметь на последнюю самое благодетельное влияние». Таким великим почетом пользовалась тогда вдова Скаррона!

Дочь герцога Орлеанского, так называемая *Мадемуазель,* престарелая пятидесятилетняя дева, одержимая эротоманией, докучала королю просьбами об освобождении своего возлюбленного, герцога Лозен, засаженного в крепость Пиньероль и содержавшегося в ней десять лет. Она просила маркизу Ментенон ходатайствовать перед королем о прощении Лозена, и маркиза обещала ей это прощение, если Лозен уступит все подаренные ему дочерью герцога Орлеанского поместья побочному сыну короля герцогу Мэн. Мадемуазель согласилась на это, но маркиза Монтеспан к этим уступкам присоединила еще одну: чтобы дочь герцога Орлеанского уступила герцогу Мэн все свое недвижимое имущество, ценимое в семнадцать миллионов франков… Торги на освобождение герцога Лозен не состоялись. Это позорное дело на время сблизило обеих маркиз, но, разумеется, не примирило их между собою. После смерти герцогини Фонтанж Людовик XIV, по советам маркизы Ментенон, отказался от прежнего мусульманского образа жизни и решился распустить свой гарем, оставив одну только маркизу Монтеспан или, вернее, оставив ей титул фаворитки с отстранением от всякого вмешательства не только в государственные дела, но

даже от частых посещений его величества. С этого времени маркиза Ментенон окончательно прибрала его к своим рукам, из которых уже и не выпускала великого короля до самой его смерти. Судьба, благоволившая маркизе Ментенон, оказала ей громадную услугу, прервав нить жизни королевы Марии Терезии. Несчастная эта женщина скончалась в 1683 году, и смерть ее исторгла из каменного сердца Людовика XIV вместе со слезами следующие слова – лучше всякого панегирика:

– Вот первое горе, которое бедняжка причиняет мне!

Склеп королевской усыпальницы Сен-Дени принял под свои своды бренные останки державной страдалицы, испившей горькую чашу жизни до последней капли. Каждой жене, какого бы сословия ни была она, больно и обидно видеть предпочтение, оказываемое ее мужем другой женщине, но каково было королеве Марии Терезии всю свою жизнь видеть распутства мужа, быть свидетельницей его связей с ла Вальер, Монтеспан, Фон-танж, с целым легионом любовниц, терпеть от них оскорбления и обиды, выслушивать грубости от мужа – и безмолвствовать?

Грустно соединить с именем Марии Терезии рассказ о скандалезном приключении, бросившем пятно на жизнь ее, в течение долгих лет безукоризненную. После ее кончины открылось, что в монастыре Море воспитывалась под строжайшим надзором маленькая негритянка, побочная дочь покойной королевы. Отцом этой девочки злые языки называли араба Набо, придворного фокусника, забавлявшего Марию Терезию разными штуками своего искусства, игрой на гитаре и пением. Говорили, будто при рождении этой девочки короля уведомили, что супруга его во время беременности *часто смотрела* на араба и следствием этого было рождение ею негритянки. Поверил ли Людовик XIV подобной сказке, нет ли, об этом история умалчивает, но как бы то ни было, а фокусник Набо вскоре умер *скоропостижно,* а девочка отвезена была в монастырь, откуда впоследствии исчезла неведомо куда. Впрочем, исчезновения людей без вести были не редкостью во Франции в царствование *великого* короля, завещавшего потомству доныне неразрешенную загадку в образе человека *в железной маске.*[25]

Болезнь и кончина Марии Терезии дали возможность иезуитке Ментенон отличиться в глазах короля уходом, попечениями о больной до ее последней минуты… Странная судьба маркизы Ментенон! Перечитывая ее биографию, можно подумать, что ей было на роду написано всю свою жизнь ухаживать за увечными и больными: она десять лет нянчилась со своим мужем, калекою Скарроном, потом с хромоногим герцогом Мэн, затем услуживала больной королеве Марии Терезии и, наконец, остаток дней

провела, ухаживая за одряхлевшим и выжившим из ума Людовиком XIV… Не герцогине ла Вальер, но, конечно, маркизе Ментенон приличнее было бы именоваться *сестрою милосердия.*

Прежде нежели мы приступим к обзору государственной деятельности маркизы Ментенон, мы считаем необходимым сравнить ее с тремя ее предшественницами: ла Вальер, Монтеспан и Фонтанж. Ла Вальер, первая и единственная любовь Людовика XIV, всей душою ему преданная, оставила по себе в памяти народа французского доброе воспоминание, как женщина бескорыстная, нежная, достойная сожаления, когда была грешницею, и героиня, когда, одумавшись, принесла покаяние в своих грехах.

Монтеспан – воплощенное корыстолюбие – в шестнадцать лет своего владычества поглотила миллионы и этим нанесла бессознательно первый удар престолу королевскому, удар, за которым началось быстрое его разрушение. Нам возразят, что сила королевская не в деньгах – так! Но деньги каждого государства – его кровь, необходимая его организму, точно так же, как кровь настоящая необходима нашему организму. К чему, если не к смертельному недугу, ведет человека бесполезное кровопускание? Маркиза Монтеспан (вечно позорной памяти) была той ненасытной пиявицей, которая, высосав из Франции много крови, заронила в организме этого королевства зародыш смертельного недуга, от которого оно доныне не может поправиться. Имя этому недугу – безначалие, горячка анархии, бешеный бред со светлыми промежутками в виде мимолетной королевской или императорской власти.

Герцогиня Фонтанж – жертва старческого сластолюбия Людовика XIV – промелькнула как метеор и скрылась в могилу, оставив по себе в сердце этого деспота грустное воспоминание и бесплодное раскаяние. Фонтанж была глупенькая овца, попавшаяся на зубы голодному волку. Ее любовь (если только она была) можно назвать прощальным лучом юности, покидавшей короля, или улыбкой счастья, за которой следовали долгие годы скуки, разочарования – и, может быть, раскаяния.

С именем маркизы Ментенон соединено воспоминание о подвиге тупоумия, навеки обесславившем царствование Людовика XIV. Подвигом этим была *отмена Нантского эдикта,* которую можно назвать, в нравственном смысле, тем же, чем была Варфоломеевская ночь в смысле физическом. Чтобы решиться на последнюю, надобно было быть зверем, подобным Карлу IX, но отменить Нантский эдикт дрожащей старческой рукой мог только выживший из ума идиот, подобный Людовику XIV.

С 1680 года в характере европейской политики произошла

важная перемена. Недавние войны Людовика XIV, его виды на Испанию и непомерное властолюбие, расширение пределов Франции тревожили европейские кабинеты, и следствием этого была коалиция, имевшая целью ослабить королевство, вознесенное не Людовиком XIV, но гениальными его министрами и полководцами на высоту державы первостатейной. Англия и Голландия, заключив *Аугсбургский союз,* к вопросу политическому присоединили вопрос религиозный, именно: защиту прав французских гугенотов, терпевших при Людовике XIV всевозможные притеснения; сторону их приняли и государи Северной Германии. Гугеноты Лангдока, Сентоважа, Пуату, Дофинэ и Севенн имели постоянные сношения с иностранными своими единоверцами, получая от них богослужебные книги, вклады на церкви и т. д. Иезуиты, окружавшие Людовика XIV, втолковали ему, что сношения его подданных с враждебными ему державами ведут прямо к бунтам и кровавым распрям и что только единство вероисповедания во Франции – неколебимая основа ее могущества. Убежденный доводами иезуитов, король по их совету начал с *добровольного*[26] обращения гугенотов в католицизм, и маркиза Ментенон, сама бывшая кальвинистка, предложила королю содействовать этим мероприятиям. Несмотря на это, дело *добровольного* обращения не двигалось вперед; проповеди иезуитов были гласом вопиющих в пустыне, а ограничения прав иноверцев, предоставленных им Нантским эдиктом Генриха IV, возбуждали негодования в самых терпеливых. Ле Теллье, отец ла Шез, духовник короля и маркизы Ментенон, видя спасение Франции в отмене Нантского эдикта, убедили Людовика XIV прибегнуть к этой мере, и 22 октября 1685 года эдикт был отменен: протестантам и кальвинистам, не желавшим перейти в католицизм, было предоставлено в двухнедельный срок оставить пределы Франции. Переселение многих тысяч протестантских семейств в Германию, Швейцарию и Голландию напомнило исход Израиля из Египта… Все эти переселенцы были мирные, трудолюбивые граждане, честные торговцы, искусные фабриканты. На своих любовниц, маркизу Монтеспан и герцогиню Фонтанж, Людовик XIV потратил миллионы; Нантским эдиктом, подписанным в угоду маркизе Ментенон, король разорил Францию, нанес смертельный удар ее торговле и промышленности.

Был ли Людовик XIV женат на маркизе Ментенон? Вопрос спорный, на который доныне история еще не дала прямого ответа. Вот что мы видим о нем в любопытной книге Капфига, несмотря на многие промахи, послужившей нам в некоторых случаях материалом для нашего очерка.

В поведении маркизы Ментенон при дворе Людовика XIV одною из самых похвальных черт было ее неизменное уважение к королеве Марии Терезии, невзирая на щекотливое свое положение воспитательницы побочных детей ее супруга. Госпожа Монтеспан и девица Фонтанж не умели держать себя в отношении королевы и весьма часто забывались, особенно последняя, которая, проходя мимо Марии Терезии, даже не кланялась ей. Королева скончалась на руках маркизы Ментенон; ее заботливость о больной и умирающей дала ей право на особенное расположение короля. Кроме того, она отличалась набожностью: вставая постоянно в семь часов, она отправлялась к обедне, потом читала душеспасительные книги, надзирая за детьми короля как заботливая и рассудительная мать. Следствием последнего обстоятельства было то могучее влияние, которое она приобрела над ними, в особенности над герцогом Мэн, характер которого был точным снимком с серьезного, деятельного и педантического характера маркизы. Наставница знала бесконечную нежность короля к его побочным детям, и потому, когда они стали подрастать, она всеми мерами способствовала возвышению их общественного положения путем брачных союзов с особами знатных фамилий. Мадемуазель Блуа, дочь герцогини ла Вальер, была выдана за принца Конти; герцог Мэн женился на принцессе Конде; сестре его мадемуазель де Нант прочили в мужья герцога Шартрского.

Это слияние незаконных детей короля с его родственниками отклоняло в будущем всякие распри и столкновения между ними. Маркиза Ментенон тем усерднее способствовала этим видам Людовика XIV, что дофин и дофина были против них. Король по целым часам беседовал с маркизою о будущности детей и вскоре был с нею почти неразлучен; когда она была нездорова, навещал ее. Скромная Ментенон приписывала причину этой внимательности любви короля к детям… Для устранения от нее всяких двусмысленных слухов Людовик XIV пожаловал ей должность при дофине, своей невестке, которую она в 1686 году сопровождала в Фонтенбло, где, как полагают некоторые историки, совершен был тайно обряд бракосочетания Людовика XIV с маркизою Ментенон. Письменных документов этого брака не существует; брачное свидетельство не было нигде отыскано ни во Франции, ни в архивах Ватикана. Писатели, утверждающие, что брак был совершен, ссылаются

1) на строгость нравственных правил состарившегося короля, которая, конечно, не дозволила бы ему сожительствовать с маркизою Ментенон без союза брачного. На этот довод ответим, что маркизе было тогда 51 год (в этом возрасте, по уставам

католической церкви, женщина может поступать в услужение к священнику и жить с ним под одною кровлею); в этом возрасте едва ли она могла возбуждать в короле какие-нибудь чувственные желания, тем больше, что именно в это время он был в связи с молодой протестанткой, девицею Фонтанж.

2) Король (по словам тех же историков) оказывал маркизе уважение, будто королеве; она жила в его покоях, сиживала рядом с ним во время службы в дворцовой церкви и за парадными обедами. Всеми этими почестями пользовались и фаворитки Людовика XIV. Она не вставала с места и не кланялась ни принцам крови, ни дофину при их входе в покои короля. Довод этот тоже не выдерживает критики, когда дофин и принцы крови посещали короля, когда с ним беседовала маркиза Ментенон, она, по правилам придворного этикета, не имела права никого приветствовать в присутствии короля.[27] Безграничное влияние маркизы Ментенон на Людовика XIV и на последние годы его царствования не подлежит сомнению. Одобряя все его распоряжения, она при случае давала ему советы и руководила им; он питал к ней глубочайшее уважение. Кто желал угодить Людовику XIV, обязан был угождать маркизе Ментенон. Когда герцогиня Бургундская прибыла ко двору, она, обходясь с маркизою Ментенон с почтительной кротостью, называла ее *тетенькой*… Почему же не *бабушкой,* если Ментенон была тайной супругою деда герцогини? Но если Людовик XIV действительно был женат на ней, почему же, повторяем, нет тому никаких письменных доказательств? Почитатели памяти маркизы Ментенон говорят, будто все документы, касательно ее брака с королем, были ею уничтожены после его смерти. Капфиг в своей книге не допускает возможности подобного геройского самопожертвования.[28] Для маркизы Ментенон такой подвиг был бы действительно не под силу, но в нашей отечественной истории есть одна личность, подобным подвигом прославившая свое имя гораздо более, нежели титулом морганатического супруга русской императрицы… Этот герой – *Разумовский,* в присутствии графа Орлова сожегший брачное свое свидетельство и все письма своей державной супруги. Трудно решить, чей подвиг был славнее: Орлова ли, который сжег турецкий флот при Чесме, или Разумовского, принесшего памяти императрицы Елизаветы Петровны такую огромную жертву?

Но возвратимся к предмету нашего очерка.

На основании всех вышеприведенных данных, Капфиг в своей монографии приходит к тому заключению, что *Людовик XIV не был женат на маркизе Ментенон.* Это подтверждают: 1) преклонные лета маркизы и отсутствие всякого намека на брак в

ее письмах и сочинениях; 2) отсутствие какой-нибудь статьи в ее пользу в духовном завещании Людовика XIV; 3) ее поселение в Сен-Сире после его смерти. Приязненные отношения их не были скреплены ни любовью, ни браком. Для любви оба были слишком стары; в браке, который предоставлял бы какие-нибудь права более тех, которыми пользовалась маркиза, она не имела надобности. Жизнь маркизы началась должностью сиделки, той же должностью и окончилась… только больной, бывший на ее попечении, был познатнее Скаррона.

Существует предание, будто какой-то каменщик Барбе, знакомый Скаррона, однажды предсказал его жене, что она будет королевою, хотя и никогда не будет ни особенно счастлива, ни особенно богата. Это одна из тех сказочек, которыми романисты любят прикрашивать правду, забывая, что она всего менее нуждается в прикрасах. Предсказание Барбе подлежит сильному сомнению, но если даже оно и было – может ли оно служить доказательством тому, что вдова Скаррона была супругою Людовика XIV? При этом короле каждая его фаворитка могла назваться королевою – кроме его *законной* жены, Марии Терезии. Карикатуристы его времени изображали его четырех фавориток: ла Вальер, Монтеспан, Фонтанж и Ментенон в виде карточных дам: бубновой, трефовой, червонной и пиковой. К этому можно было бы прибавить, что счастье и могущество трех первых напоминали карточные домики, рушившиеся при первом дуновении переменчивого ветра, который благоприятствует до поры до времени и временщикам, и фавориткам.

Снискав расположение короля, перешедшее со временем в неограниченную привязанность, маркиза Ментенон старалась, и весьма успешно, отучить его от привычек, усвоенных им смолоду и особенно развившихся в нем в эпоху его сожительства с маркизою Монтеспан. К числу таковых принадлежала страсть Людовика XIV строиться. Версальский дворец с его садами и фонтанами можно было назвать пышным памятником лет бурной юности и мужества Людовика XIV. При ла Вальер король обращал особенное внимание на сады, цветники, крытые беседки и тому подобные украшения, в которых искусство, прикрашивая природу, идет с нею дружно рука об руку. В царствование маркизы Монтеспан внимание Людовика было особенно обращено на увеличение версальского дворца новыми пристройками, на украшение чертогов позолотою, живописью, резьбою и драгоценными мраморами. Тут природа, отдаленная на второй план, уступила все место искусству; исчезла буколическая простота, которую так любила скромная ла Вальер, и воцарилась сумасбродная роскошь, бывшая для маркизы Монтеспан

насущной потребностью. Померкла счастливая планета маркизы Монтес-пан, и версальский дворец постигли новые преобразования. Суровая педантка Ментенон была не охотница ни до садов, ни до раззолоченных чертогов; она называла версальский дворец «храмом гордыни человеческой», и в угоду ей Людовик XIV построил скромный дворец Марли, состоявший из замка, окруженного двенадцатью павильонами, напоминавшими отшельнические кельи; вместо шумливых фонтанов Марли был украшен зеркальными прудами, в которых плавали карпы и караси с золотыми сережками, продетыми в их жабры чуть ли еще не руками Людовика XIV; вместо цветников явились фруктовые сады и огороды… Одним словом, в обстановке нового жилья состарившегося короля проза заменила поэзию, существенное вытеснило все фантастическое. Прекратились шумные сборища, праздники, спектакли; вместо всего этого образ жизни принял характер чуть не монастырский: проповеди, чтение нравственных книг и душеспасительные беседы с иезуитами. К довершению всего маркиза Ментенон убедила Людовика XIV – в видах спасения его души и сбережения его желудка – соблюдать посты, и бедный лакомка смиренно покорился велениям своей полудержавной сиделки. Таков непреложный закон судьбы, человек на старости лет почти всегда является врагом всего, что в юности было ему особенно мило и сердцу близко… Безбожник делается ханжой, развратник ударяется в нравоучения, обжора проповедует воздержание. Из одной крайности человек бросается в другую.

Маркиза Монтеспан и ее креатура – Лувуа много способствовали основанию Людовиком XIV знаменитого инвалидного дома (Hotel des Invalides); маркиза Ментенон – женщина вовсе не воинственная, основала Сенсирский институт для воспитания благородных девиц – кальвинисток, перешедших в католицизм. Устав этого училища, утвержденный епископом шартр-ским (в 1686 году), был составлен самою маркизою и во всех своих статьях являл странную смесь простоты протестантской с католическим ханжеством, – одним словом, маркиза Ментенон была сама олицетворением устава института Сен-Сир… И еще несколько десятков лет тому назад это заведение почиталось образцовым во многих европейских государствах! В первые годы своего основания Сен-Сир был чем-то вроде монастыря и вместе с тем рабочего дома. Невинных девочек заставляли каяться в их *будущих* грехах, изнуряли учением, работою и чуть не морили голодом под предлогом поста.

Некоторые историки, основываясь на собственных мемуарах

маркизы Ментенон и на льстивых отзывах о ней современников, хвалят ее за бескорыстие… Правда, в течение тридцатипятилетнего сожительства своего с Людовиком XIV она сама нажила немного, но зато, по примеру Монтеспан, вывела в люди свою роденьку, которую Людовик награждал по-королевски. Брат ее Жан д'Обинье, отчаянный рубака и кутила, по ее милости получил губернаторства Бофора, Коньяка, Эг, Морта и орден Святого Духа. Маркиза, выговаривая ему за расточительность, в то же время платила за него долги, выпрашивая у короля пособия; поместила дочь его в Сен-Сир, дала ей прекрасное образование и выдала за молодого графа д'Айен. Маркиза дала ей от себя в приданое 600 000 ливров, но эта сумма была ничтожною в сравнении с щедротами короля: 800 000 ливров наличными деньгами, на 100 000 ливров бриллиантами; графу – губернаторства Руссильон и Перпиньян, приносившие свыше 40 000 ливров ежегодного дохода, – таковы были подарки Людовика XIV новобрачным.

Тесное сближение короля с маркизою, прибравшею его к рукам, не могло нравиться дофину, а неуважение последнего к Ментенон, этому Тартюфу в женском платье, было источником семейных неудовольствий между королем и его сыном. Негодуя на старческую слабость отца, дофин отдалился от него, а Людовик не имел настолько воли, чтобы пожертвовать ему своею полудержавною сиделкою. Слабость короля к ней возрастала по мере ее усиления, или, вернее, могущество маркизы усиливалось по мере одряхления Людовика XIV. 28 марта 1687 года маршал ла Фельяд воздвиг в честь короля бронзовую статую на Вандомской площади. Глубокое, символическое значение имел этот кумир версальского Юпитера: он, во-первых, напоминал тех оракулов древности, бронзовыми устами которых говорили жрецы (жрецом Людовика XIV была тогда маркиза Ментенон), во-вторых, этот памятник гордыни человеческой и деспотизма королевского, заняв то самое место, на котором через сто двадцать лет воздвигся другой – бронзовая колонна со стату-ею другого деспота на вершине… Ныне колонна эта разбита вдребезги, и кумир Наполеона рухнул точно так же, как во время первой революции рухнул кумир Людовика XIV. Любопытно знать, какому идолу будет теперь поклоняться Франция и чье изображение займет опустелое место колонны на Вандомской площади?

Лувуа, как мы уже говорили, был креатурою герцогини Монтеспан; одной этой причины достаточно было, чтобы маркиза Ментенон его ненавидела. При всех своих недостатках министр был человеком полезным и не лишенным способностей мужа

государственного, но мог ли принять это во внимание Людовик XIV, глядевший глазами маркизы, ее ушами слушавший? И Лу-вуа впал в немилость. Король придирался к малейшему поводу, чтобы спорить с министром и язвить его; Лувуа, в свою очередь, не оставался в долгу, и, таким образом, они стали друг к другу в самые натянутые и неприязненные отношения. В 1688 году весною, прогуливаясь вместе с Лувуа в Трианоне, король заспорил с ним о том, будто одно из окон дворца меньше других, Лувуа не уступал, и когда архитектор ле Нот решил вопрос в пользу короля, Людовик осыпал Лувуа ядовитыми упреками. В тот же день министр, обедая в кругу друзей, отвечал им на все расспросы о причинах его дурного расположения духа:

– Все вздор! Но по обхождению короля со мною я вижу, что пропал в его мнении. Исход один: надобно затеять войну, и война будет!

Эта война была та самая, во время которой Людовик XIV вооружил против себя всю Европу, затронув соединенные штаты Голландии.

По словам некоторых историков, заслуживающих веры, поводом к войне с Голландиею было высокомерие Вильгельма Оранского и оскорбительный его отказ на предложение Людовика XIV жениться на его побочной дочери мадемуазель де Блуа. «Принцы Оранские, – отвечал Вильгельм, – имеют обыкновение жениться на законных дочерях государей, а не на их батардках!»

Если это было истинною причиною разрыва Франции с Голландиею, тем не менее Лувуа много способствовал решению распри достичь путем вооруженного столкновения. Мы не намерены следить за ходом войны, в которой принимали участие знаменитые полководцы Людовика XIV и дофин, наследник его престола; скажем только, что король французский дал у себя приют Якову II, королю английскому, с его семейством, свергнутому с престола Вильгельмом Оранским. Герцог Лозен в декабре 1688 года помог бежать из Англии супруге короля Марии и его сыну, принцу Уэльскому. В Кале они были встречены г. Шара, откуда письменно уведомили короля французского о своем прибытии в его владения; Людовик назначил им местопребыванием замок Сен-Жермен и с свойственной ему любезностью отправился навстречу к своим гостям. Свидание это произошло в Шату. Король сам отворил дверцу подъехавшей кареты и, взяв на руки маленького принца, несколько раз поцеловал его. Отличный фразер, умевший всегда кстати отпустить блестящее и звонкое словцо, Людовик отвечал королеве на изъявление ею живейшей признательности:

– Печальную услугу оказываю я вам ныне, но вскоре надеюсь

оказать иную, более достойную вас, короля, – брата моего и меня самого!

Он намекал на возведение Якова Стюарта на родительский престол.

Супруга короля английского была помещена в покоях покойной королевы Марии Терезии, сын ее на половине внука королевского герцога Бургундского. В пятом часу вечера 7 января 1689 года сюда прибыл и король английский Яков II, преклонивший колено перед встретившим его Людовиком. В сравнении с подобным самоуничижением Якова II поступок его жены с маркизою Ментенон можно было назвать геройским подвигом.

Маркиза, не принимавшая участия в церемониальной встрече высоких гостей, явилась к королеве Марии с визитом, как равная к равной. Желая напомнить этой женщине, сожительствовавшей с Людовиком под псевдонимом жены, что между нею и супругою Якова Стюарта есть значительное расстояние, она продержала ее несколько минут в приемной. Правда, королева позолотила эту пилюлю, сказав маркизе, что в этом промедлении вся потеря на ее стороне… но эта медовая фраза не усладила горечи самой пилюли, раскушенной маркизою. Оскорбленная фаворитка жаловалась Людовику и отомстила державным гостям многими затруднениями при регламентации правил этикета в отношении короля и королевы английских. Постановлен был вопрос о том, следует ли Якову Стюарту воздавать одинаковые почести с Людовиком XIV и обходиться ли последнему со своим гостем как равному с равным? Оба вопроса были решены в пользу Стюартов, однако же не без препятствий со стороны маркизы Ментенон.

Замечательно, что каждая фаворитка Людовика XIV делала театр и литературу орудиями своих происков. В угоду ла Вальер Мольер написал *Принцессу Элидскую,* для Монтеспан – *Амфитриона,* Расин по заказу Генриэтты Английской написал *Берени-ку,* и его же избрала Ментенон для обработки сюжета *Эсфири,* ею заимствованного из сказаний библейских: *Артаксеркс*… разумеется, король; *Астинь* (Vasthi) – герцогиня Монтеспан; *Аман*– Лувуа; *Эсфирь* – маркиза Ментенон. Этой трагедией, разыгранной воспитанницами Сен-Сира, маркиза – будто одним камнем двух птиц – поразила и соперницу, и своего ненавистника. Оба они были приглашены на спектакль и при монологе Эсфири:

> Peut-etre on t'a conte la fameuse disgrace.
> De l'altiere Vasthi, dont j'occupe la place?[29] —

взоры всех зрителей обратились на герцогиню Монтеспан; когда же царь персидский, превращенный Расином во французского селадона, ворковал Эсфири:

Je ne trouve qu'en vous je ne sais quelle grace
Qui me charme toujours et jamais ne me lasse![30] —

те же зрители выразительно посматривали на маркизу Ментенон, скромно потуплявшую глазки. К сожалению, на ее собственную долю досталась не совсем приятная аппликация. На сцене бранили Эсфирь за ее покровительство единоверцам – и в этом почти все заметили намек на кальвинистов. Вслед за тем досталось и королю. Вся зала разразилась аплодисментами, когда были произнесены стихи по поводу указа Артаксеркса о преследовании иудеев:

Et le roi trop credule a signe cet edit![31]

Нантский эдикт и подвиг Лувуа в областях кальвинистов еще у всех были свежи в памяти. Лицо Людовика XIV наморщилось, он нахмурил брови и по окончании пьесы не удостоил бедного Расина ни единым ласковым словом. Всыпая лесть в своей трагедии пригоршнями, по ошибке захватил крупинку правды, а она и испортила все дело. Вообще Расин, возросший при дворе Людовика XIV, был неловок на слова и в выражениях непозволительно опрометчив. Еще незадолго до представления *Эсфири* король говорил с ним о театре и спросил, что дают хорошего?

– Очень мало, ваше величество, – отвечал Расин. – Хорошего наша публика не ценит; она довольствуется и пошлостями *какого-нибудь* Скаррона!

А вдова этого самого *какого-нибудь* была тут и не в силах была скрыть неудовольствие. С этого самого дня Расин впал в немилость. *Эсфирью* он надеялся заслужить прощение маркизы, но и тут не угодил ни ей, ни королю. Всех горше и обиднее при представлении *Эсфири* было бедному Лувуа. Когда на сцене персидский царь приговорил Амана к позорной казни через повешение, Лувуа, бледный, дрожащий всем телом, встал с места и, расталкивая зрителей, стремительно вышел из залы. Проходя мимо короля, он довольно громко сказал:

– Подобное обхождение с человеком государственным позволительно только тогда, когда в нем не имеют надобности.

Вслед за представлением *Эсфири* Расин (опять по заказу

маркизы Ментенон) написал *Гофолию* (Athalie). Эта трагедия была приноровлена к политическому перевороту в Англии и гонениям тамошних католиков королевою Мариею. На сцене ее олицетворяла Гофолия; гонимый ею наследник престола иудейского – Иоад был не кто иной, как сын Якова II – принц Уэльский. На этот раз Расин не промахнулся и по ходатайству маркизы Ментенон был пожалован в камер-юнкеры двора его величества. Людовик XIV умел поощрять таланты, и лучшей награды для поэта, изготовлявшего трагедии по заказу, нельзя было и придумать, как произведя его в ливрейные льстецы. Исчез поэт, как было мало, и на его месте явился лакей, каких при дворе было слишком много.

Гофолия Расина была прологом иной – страшной, кровавой трагедии, в которой Франция была одним из главных действующих лиц. Людовик XIV снарядил огромную эскадру, которая с соответствующим количеством десантных войск, предводимых Иаковом II, должна была отправиться в Ирландию. Кроме громадных затрат на вооружение, обмундирование и продовольствие войск, король французский отсчитал сверженному королю английскому до двух миллионов франков золотом. В сподвижники ему были назначены графы д'Аво и Лозен; пехоту и конницу можно было назвать отборными, а между тем, глядя на все эти приготовления, можно было вспомнить нашу пословицу: «не в коня корм». Развенчанный изгнанник перед отбытием в экспедицию дни и ночи проводил с парижскими иезуитами и производил опыты исцеления опухолей шейных желез (свинки) посредством прикосновения в женском монастыре англичанок (Нот' soit qui mal y pense!). Когда все было готово к отправлению в поход, произошло прощание обоих монархов в замке сен-жерменском. Людовик XIV подарил Якову II латы и оружие, служившие ему самому во всех походах.

– Желаю, чтобы они принесли вам удачу, – сказал при этом король французский. – Как ни грустно мне расставаться с вами, но дай Бог, чтобы вам не пришлось возвратиться. Если же случилось бы подобное несчастье, вы всегда найдете меня таковым, как теперь!

28 февраля 1689 года Яков II уехал в Брест; его супруга с сыном отправилась в монастырь Пуассель.

Морская победа графа Шато-Рено над английским флотом, которым командовал вице-адмирал Герберт, могла бы способствовать успехам короля Иакова, если бы он имел хоть каплю воинских способностей. К сожалению, все его подвиги ограничились занятием нескольких городов и бесполезною осадою Лондондерри, защищаемого пресвитерианским пастырем

Уокером. Обсервационный корпус Вильгельма III под предводительством маршала Шомберга не трогался с места; Яков со своими войсками благоразумно уклонялся от боя. Но если он не проливал крови, то супруга его заливалась слезами, досадуя на его медленность и возмутительную апатию. Чтобы утешить и развлечь печальную супругу Якова II, Людовик XIV убедил ее переехать из Пуасси опять в Сен-Жермен и стал забавлять праздниками и балами, которые давал в Версале, каждый раз лично заезжая за королевою в Сен-Жермен. Эта нежная внимательность встревожила маркизу Ментенон не на шутку; при сем удобном случае она могла бы заказать Расину новую трагедию, заимствованную из библейского сказания о *Вирсавии,* жене Урия, отправленного на войну царем Давидом, но маркиза вместо театра прибегнула к совершенно противоположному средству образумить Людовика XIV: она обратилась к посредничеству отца ла Шеза, Боссюэта и Бурдалу, прося их хорошенько пугнуть короля ораторскими громами с вершины церковной кафедры. Бурдалу своими беседами об адском пламени охладил вспышку нежности в старческом сердце Людовика XIV; король присмирел и стал менее любезен с супругою Якова II.

Война день ото дня принимала все более угрожающие размеры; против Франции восстали Австрия и Германия. Лувуа в государственном совете предложил выжечь и опустошить Палатинат, Людовик отверг это предложение, но, несмотря на то, Лувуа решился быть ослушником в видах блага отечества. Шпионы маркизы Ментенон довели до ее сведения, что министр на другой же день отправил курьера в Палатинат к тамошнему начальнику французских войск с каннибальским приказанием сжечь эту область.

– Верите ли вы снам? – спросила маркиза у Лувуа, когда он вечером того дня явился к королю. – Сегодня мне снилось, будто весь Палатинат охвачен огнем.

– Сны иногда сбываются, – отвечал Лувуа, – и я умею служить его величеству, даже не повинуясь ему.

– Вы говорите в шутку? – крикнул Людовик XIV.

– Нет, государь, совершенно серьезно. Утром я отправил в Палатинат курьера именно с этим приказанием.

– Дерзкий! – закричал Людовик XIV, схватывая каминные щипцы.

– Государь, что вы делаете? – вмешалась маркиза.

– Оставьте, сударыня! Я хочу наказать лакея-грубияна!

– Ваше величество, – вскрикнул, в свою очередь, Лу-вуа, – уважайте сами себя, если вам угодно, чтобы другие вас уважали.

Если вы дозволили женщине властолюбивой оскорбить меня на театральных подмостках, меня – прослужившего вам двадцать пять лет, довольствуйтесь этим, но не унижайте себя, поднимая на меня руку.

– Сию же минуту послать курьера с отменою приказа! – горячился король. – Ты мне отвечаешь головой за все последствия. Если в Палатинате сгорел хоть один дом, тут тебе и смертный приговор!

Отмена приказа Лувуа прибыла поздно: Палатинат, выжженный дотла, представлял груды пепла и развалин. После этого Лувуа пал окончательно, к совершенному удовольствию маркизы Ментенон.

1690 и 1691 годы были ознаменованы многими достопамятными событиями. 20 апреля скончалась дофина Виктория Баварская после изнурительной грудной болезни, оставив по себе память благотворительницы бедных и убогих и подозрение в сношениях с германскими государями, врагами Людовика XIV. Умалчиваем о некоторых подробностях ее домашней и будуарной жизни, так как она была не без пятен; но в тот век при дворе французском не было ни одной женщины с незапятнанной репутацией. Маркиза Ментенон не удостоила погребения дофины своим присутствием; она ненавидела и покойную и ее мужа. Может быть, именно вследствие этой ненависти могущественной фаворитки к дофину была искренне расположена фаворитка опальная – герцогиня Монтеспан. Вскоре после смерти жены дофин вздумал возобновить связь с одною из своих многочисленных любовниц – госпожою де Рут. На это понадобились деньги, которые не водились у расточительного дофина; он был принужден через доверенное лицо продать свои бриллианты одному богатому ювелиру. Узнав об этом, герцогиня Монтеспан выкупила бриллианты за двойную цену и на другой же день привезла их к дофину.

– Ваше высочество, – сказала она при этом, – позвольте мне оказать вам эту ничтожную услугу. Я богата щедротами вашего родителя и, делясь с вами, возвращаю то, что мне было пожаловано.

Черта благородная, делающая честь женщине довольно сомнительной честности. Ровно через сто лет (как увидим) точно так же поступила и графиня Дюбарри с внуком своего державного обожателя – Людовиком XVI и этим погубила себя.

Благородный поступок герцогини Монтеспан с дофином взбесил маркизу Ментенон; желая со своей стороны чем-нибудь досадить дофину, она уговорила короля выслать госпожу де Рут из пределов Франции. Дофин по королевскому повелению обязан

был отправиться в действующую армию. Герцогиня Монтеспан объявила Людовику XIV, что она окончательно покидает двор, избирая своими местопребываниями женские монастыри Фонтевро и св. Иосифа.

Подвиги великих полководцев и адмиралов Людовика XIV прекратили на время интриги и происки маркизы Ментенон. В войне принял участие сам король, осаждая Монс, под стенами которого у него произошло неприятное столкновение с Лувуа. Считая себя великим стратегом, Людовик XIV расположил отряд, которым он командовал, самым невыгодным образом. Эта диспозиция, по соображениям Лувуа, могла повредить успеху дела, и он переместил войска на другой пункт. Это своевольничанье возбудило в короле страшный гнев, хотя оно и способствовало взятию Монса. По возвращении в Версаль король был встречен восторженно и если воздержался от официального триумфа, то единственно по настояниям *смиренной* маркизы Ментенон.

Вот подробности об образе ее жизни в эпоху апогея ее могущества. Она не терпела при себе многочисленной прислуги, но и немногие лакеи и служанки, находившиеся при ней, с трудом уживались: им было запрещено ходить со двора и принимать у себя гостей. Нинон Бальбиен, бывшая горничная маркизы, когда она была еще вдовою Скаррон, была ее любимицей. Воспитанницы Сен-Сира и племянницы маркизы побаивались этой Нинон и обходились с нею с глубочайшим уважением. Из посетителей Ментенон можно назвать королеву английскую, герцога Ришелье и г. Моншеврейль; только первой маркиза отдавала визиты; кроме королевы она не ездила ни к кому. С самого раннего утра до поздней ночи она просиживала в кабинете Людовика XIV, и не было дела – от важнейшего государственного до самого ничтожного домашнего, о котором с нею не совещался бы король. Дочерей его она распекала и журила, как злая мачеха падчериц, и нередко доводила их до слез. Военные высшие чины перед отбытием на войну являлись к ней на поклон, как к законной супруге короля. Однажды маркизе вздумалось посетить монастырь Великих кармелиток, в стены которого, по уставу, не допускалось никого, кроме королев французских. Об этом маркизе напомнила аббатиса монастыря и получила в ответ:

– Знаю, знаю… И все-таки вы должны принять меня.

Вскоре после фландрской кампании в заседании государственного совета произошла бурная сцена (последняя) между королем и Лувуа. Министр, выведенный из терпения колкостями и воркотней старого брюзги, бросил на стол бумаги

и, сказав: «На вас не угодишь!» – вышел из залы совета, хлопнув дверью. Вечером того же дня он получил письмо от маркизы Ментенон, в котором она извещала его, что король не сердится и не выключает его из совета… Действительно, на другой же день, когда Лувуа явился к королю, последний обошелся с ним довольно ласково, но министр понял, что под этою ласкою скрывается нечто для него опасное. Возвратясь домой, он сжег многие бумаги, долго ходил взад и вперед по комнате, потом выпил залпом стакан воды из кувшинчика, стоявшего на камине, и мгновенно упал в кресла, будто пораженный громом, без малейших признаков жизни. По вскрытии трупа доктора нашли признаки отравы.

Весть о смерти Лувуа сильно подействовала на Людовика XIV; он не мог не пожалеть о верном и полезном слуге, бывшем когда-то одним из ярких лучей версальского солнца, т. е. его величества, что же касается до маркизы Ментенон, она замаскировала свою радость о смерти врага самым ледяным равнодушием.

– Помолитесь ли вы об усопшем? – спросила ее какая-то из бойких придворных дам.

– Мне слишком много приходится молиться и о собственных грехах! – отвечала ханжа, воздевая руки к небу.

Временщиков при Людовике XIV не бывало и быть не могло, так как в царствование деспотов (это *историческая аксиома)* возможно только владычество фавориток. Лувуа не был временщиком, хотя его роль при Людовике XIV напоминает ту, которую играл граф Аракчеев при Александре I у нас в России. Неограниченно честолюбивый, дьявольски злой, мстительный, Лувуа не был лишен ни ума, ни способностей. Он во Франции радикально преобразовал военную администрацию, введя в войсках дисциплину, правильную строевую службу, систему выслуги, повышений и наград по заслугам. Инвалидный дом (Hotel des Invalides) – создание Лувуа.

При известии о его смерти Катина (Catinat), впоследствии маршал, сказал кому-то из придворных:

– Царствование Людовика великого кончилось и началось царствование Франциски д'Обинье!

Действительно, в следующем же году (1692) маркиза Ментенон присутствовала на всех заседаниях государственного совета, подавая свой голос, которому повиновались все – от короля до последнего камер-лакея.

Семейство герцога Орлеанского находилось постоянно во враждебных отношениях к семейству старших Бурбонов; иначе не могло быть: зависть искони веков – со времен Каина и Авеля –

была и будет причиною единокровных братьев. Желая по возможности приблизить к себе семейство своего младшего брата, Людовик XIV по совету маркизы Ментенон задумал женить герцога Шартрского на своей побочной дочери (от ла Вальер) – мадемуазель Блуа. Способ к сближению весьма неловкий, возбудивший в матери герцога Шартрского, герцогине Орлеанской, живейшее негодование. Маркиза Ментенон прибегнула в этом случае к посредничеству наставника герцога, аббата Дюбуа, бессменного спутника своего воспитанника в его кутежах и распутствах. Наградою за успешное сватовство аббату Дюбуа было обещано весьма доходное аббатство. Дело уладилось: племянник короля, герцог Филипп Шартрский, подписал свадебный контракт с мадемуазель Блуа. В приданое за нею король дал два миллиона наличными, ежегодную пенсию в 200 000 и свыше чем на 200 000 ливров бриллиантов; сверх того, герцогу подарен был в потомственное владение Пале-Руайяль. Вслед за тем герцог Мэн, побочный сын короля, женился на мадемуазель Шаролэ, сестре герцога Шартрского. Набожная Ментенон в этих брачных союзах не видела даже и кровосмешения. Когда аббат Дюбуа подал прошение духовнику короля отцу ла Шезу о награждении его обещанным аббатством, иезуит, наотрез отказав, доложил королю, что Дюбуа волокита, пьяница и картежник.

– Волокита, но не привязан ни к какой женщине, – отвечал Людовик XIV, – пьяница, но не напивается допьяна, картежник, но никогда не проигрывается!.. Дайте ему аббатство.

В 1696 году мир Франции с Савойею был закреплен выдачею его дочери Марии Аделаиды за внука Людовика XIV герцога Бургундского. Попечительницею принцессы и ее наставницею в правилах придворного этикета была назначена маркиза Ментенон. На первых порах она озаботилась окружить молодую герцогиню иезуитами и возить ее по женским монастырям. Одна из племянниц маркизы попала в любимицы к Марии Аделаиде, соединяя с лестным именем ее подруги совсем нелестное ремесло шпионки своей тетушки. Свадьбу герцога Бургундского отпраздновали по заключении славного Рисвикского мира в декабре 1697 года: мужу было пятнадцать лет, жене его исполнилось двенадцать. Этот мальчик – надежда Франции, – горбатый и некрасивый собою, выкупал недостатки телесные прекраснейшими душевными качествами. Невзирая на вражду дофина с маркизою Ментенон, сын его и невестка оказывали ей глубочайшее уважение; впрочем, могло ли быть иначе, когда сам патриарх французского королевского семейства Людовик XIV раболепствовал перед нею?

Перебирая придворные хроники того времени, находим под 1698 годом любопытный эпизод, дающий ясное понятие о расположении короля к своей последней фаворитке. Летом 1698 года она присутствовала на маневрах, сопровождавшихся примерным штурмом крепости. Маркиза явилась в портшезе с поднятыми стеклами. Когда его опустили на землю, по четырем углам разместились на поручнях: герцогиня Бургундская, принцесса Конти, герцогини Орлеанская и Шартрская. Король, разговаривая с маркизою, снимал шляпу и ежеминутно на нее оглядывался, как молодой супруг на возлюбленную супругу. Когда портшез тронулся с места, все принцессы крови следовали за ним пешком. Большего почета, конечно, не могла иметь и законная супруга короля.

Семнадцатое столетие кануло в вечность; первые годы столетия восемнадцатого можно было назвать бедственными для всей Европы, так как они проведены были в непрерывных войнах, свирепствовавших почти повсеместно. На Севере происходила борьба двух исполинов – Петра Великого и Карла XII; государства Средней и Южной Европы вооружились против Франции по поводу вопроса о наследстве испанского престола. По какому-то роковому предопределению свыше Франции суждено было играть главную роль во всех великих событиях XVII века, от его начала до конца. Сравнивая одно с другим, нельзя не призадуматься. В начале века видим Францию в апогее ее могущества; не ведая преград, деспотизм Людовика XIV расширял пределы его королевства вопреки всем требованиям европейского политического равновесия; принц Конти был избран в короли польские; внук Людовика XIV, герцог Анжуйский, готовился увенчать себя короною испанскою. «Пиренеев более не существует!» – сказал французский деспот, не останавливаясь ни перед политическими, ни естественными границами европейских государств. Король испанский Карл II, будучи бездетным, по происхождению был родственно близок Австрии и Франции; супруга его, принцесса Баварская, отстаивала интересы первой, и по ее настояниям незадолго до Рисвикского мира Карл II уничтожил духовное завещание, передававшее его престол брату ее Леопольду, обещая назначить своим преемником сына императора австрийского. Рисвикский мир, водворяя в Европе тишину и доброе согласие, обратил внимание всех держав на королевство испанское, престолонаследие которого ежеминутно могло нарушить политическое равновесие, усиливая власть одного государя в ущерб другим. На кого должен был пасть выбор умирающего Карла II, – этого в Европе никто не знал и знать не мог, но по многим причинам догадывались, что наследником его

будет эрцгерцог Австрийский. Особенно тревожились Англия и Голландия, для которых подобный исход мог быть крайне невыгоден в политическом и в торговом отношениях. Людовик XIV негодовал ввиду личных интересов, так как считал себя вправе, основываясь на связях родственных, присоединить к Франции нить владений испанских. Ввиду этих недоразумений маркиз Торси составил программу конвенции между Францией, Англией и Голландией, заключенной в Гааге (еще в 1696 году), в силу которой эти три державы обязывались наблюдать за миролюбивым разрешением испанского вопроса, предполагая разделить королевство следующим образом: Франции предоставлялись Неаполь и Сицилия; эрцгерцогу Карлу Австрийскому – Милан; от всяких притязаний на престол испанский Людовик XIV отступался.

Весть о конвенции, заключенной в Гааге, едва не убила Карла II, и он немедленно написал духовную в пользу принца Баварского, вскоре умершего в Брюсселе, вероятно, от яда. Эта смерть подала повод к некоторым изменениям в конвенции трех держав: Франция заявила притязания, кроме Неаполя и Сицилии, еще и на Милан. Эти распоряжения над чужою собственностью, это размежевание владений испанского короля и назначение ему преемников и наследников еще при его догорающей жизни были последними каплями, переполнившими меру терпения и душевных страданий Карла II. Назло Людовику XIV он назначил своим преемником эрцгерцога Карла Австрийского, которого и приглашал немедленно прибыть в Испанию с 10 тыс. войска для поддержки своих прав. Отец эрцгерцога император Леопольд отказал Карлу II в его желании, ссылаясь на распри и неурядицы, волновавшие тогда испанский двор и, по его мнению, угрожавшие эрцгерцогу великими опасностями. Следствием этого отказа был разрыв между Испанией и Австрией и обоюдное отозвание посланников той и другой державы. Пользуясь этим, французский полномочный министр маркиз д'Аркур щедрыми подарками и происками успел составить при мадридском дворе сильную партию в пользу герцога Анжуйского и расположить в его пользу больного Карла II. В это время мавры осадили Се-уту, и д'Аркур великодушно предложил французские корабли для содействия испанскому флоту. Император Леопольд, желая расстроить это доброе согласие, возобновил сношения с мадридским двором, и малодушный король испанский опять сблизился с Австрией. Эта шаткость действий Карла II побудила Людовика XIV отозвать д'Аркура из Мадрида. Он отбыл во Францию, но партия, им организованная, действовала с неослабной энергией, и принадлежавшие к ней чины государственного совета убедили

наконец Карла II остановить свой выбор на внуке короля французского, герцоге Анжуйском.

– Первый долг вашего величества спасти отечество от ужасов безначалия, – говорили они королю. – Вспомните, что владения императора Леопольда отделены от ваших королевством французским. Только принц французской крови может быть вашим достойным преемником и в то же время уничтожить гнусный договор, заключенный в Гааге!

Карл II обратился за советом к папе Иннокентию XII, и тот сказал ему то же самое. 2 октября 1700 года король испанский написал третье духовное завещание, передававшее его престол герцогу Анжуйскому, а через месяц он скончался.

Государственный совет, созванный Людовиком XIV, предложил королю не нарушать договора 1696 года; особенно настойчивы были канцлер Поншартрен и герцог де Бовийллье, но честолюбие Людовика XIV и его самовластие были превыше требований политики и здравого смысла: король утвердил своего внука в правах наследника Карла II, а 3 февраля 1701 года представил королям испанским Бурбонской династии наследовать и французский престол в случае пресечения тамошней королевской фамилии. По духовной Карла II в случае кончины Филиппа Анжуйского испанская корона переходила к герцогу Беррийскому (третьему сыну дофина), за смертию же и этого принца к эрцгерцогу Карлу Австрийскому, который обязывался отречься от всяких наследственных прав на корону императорскую; за смертию же эрцгерцога королем Испании мог быть герцог Савойский. 24 ноября 1701 года Филипп, герцог Анжуйский, внук Людовика XIV, был провозглашен королем Испании и обеих Индий; соединенные королевства слились в монархию, размерами превосходившую монархию Филиппа II. В крайнем негодовании вся Европа восстала против Франции.

Новый король испанский принял известие о своем избрании весьма неприлично: он в кабинете своего деда стал хлопать в ладоши и скакать как школьник по выходе из класса. «Я король испанский, – сказал он, – и брат мой герцог Бургундский будет королем Франции, один только ты, Беррийский герцог, ничем не будешь!»

– Я буду охотиться, – отвечал тот, – буду рыскать с собаками и егерями от стен Парижа до Мадрида.

Таковы были представители молодого поколения Бурбонов, будущие обладатели Франции и Испании. Какого благополучия могли ожидать эти государства от жалких выродков фамилии Генриха IV? Плохи были его внуки, его правнуки, а потомки оказались и того хуже. В самый год восшествия герцога

Анжуйского на испанский престол скончался брат Людовика XIV – Гастон Орлеанский. В каких отношениях находились братья друг к другу, можно судить по тому, что на другой день король очень весело напевал арию из какой-то оперы и очень наивно спросил у герцогини Бургундской, почему она грустна. Правда, покойный герцог Орлеанский славился только пороками и беспутствами, но и король никогда не бывал героем добродетели, и его чувство родства могло бы уделить хоть каплю сожаления памяти умершего брата. Наследник его Филипп немедленно образовал собственный двор (или дворню, правильнее) из людей, прославившихся безнравственностью и гнусностью правил. То были корифеи будущего регентства. Между ними особенно заметны были: капитан гвардии ла Фар, циник, способный заставить покраснеть самого Диогена; духовник герцога аббат Гранса – певец неблагопристойных песен; маркиз д'Эффиа, потомок Сен-Марса; граф Грасимон, Нэль, Кондолан, Полиньяк и десятки других негодяев, и во главе их аббат Дюбуа. Этой шайке ясновельможных бездельников всякие шалости, даже преступления сходили с рук, благодаря дружбе с ними д'Аржансона, министра полиции.

Одновременно с началом военных действий – неминуемого следствия самовластия Людовика XIV, он, как бы глумясь над врагами, ради упрочения новой Бурбонской династии на испанском престоле женил своего внука на Марии Луизе Савойской, младшей сестре герцогини Бургундской. Опасаясь, чтобы отец ее, герцог, чрез посредство Марии Луизы не имел влияния на политику Испании, Людовик, сообща с маркизой Ментенон, придумал средство для противодействия, вполне достойное человека, одряхлевшего в разврате, и женщины, прикрывавшей маскою ханжества гнуснейшие пороки. Филиппа V, короля испанского, и супругу его необходимо было разладить; необходимо было поставить между ними третье лицо, которое сумело бы подчинить Филиппа своему влиянию и руководить его поступками согласно видам версальского кабинета. Подобную креатуру маркиза Ментенон нашла в Марии Анне де ла Тремуйлль де Нуармутье, по первому мужу принцессе Игалэ, по второму – герцогине Браччиано, княгине дез'Юрсен. Мы подробно поговорим о ней при обзоре царствования Филиппа V, здесь же заметим только, что она была креатура маркизы Ментенон, с которою она немедленно по прибытии в Мадрид затеяла самую прилежную переписку. Десять лет длилась война Людовика XIV с европейскими державами, и распространяться о ней было бы неуместно. В эту эпоху судьбы трех первостепенных держав находились в руках трех своенравных женщин: Англи-ею, именем

королевы Анны, управляла ее любимица герцогиня Мерльборо; во Франции владычествовала маркиза Ментенон; в Испании принцесса дез'Юрсен. Англо-австрийские войска, предводимые герцогом Мерльборо и принцем Евгением, одержали над войсками Людовика XIV ряд блистательнейших побед, ознаменовавших пятилетний период с 1701 по 1706 год. 7 сентября 1706 года Филипп Орлеанский был разбит наголову под стенами Турина и со стыдом отступил за Альпы, потеряв весь свой обоз; супруга его тотчас же заложила свои бриллианты и вырученные за них 2 000 000 франков отправила в действующую армию; примеру ее последовала и маркиза Ментенон, пожертвовавшая на парижский монетный двор всю свою серебряную посуду. Франция находилась тогда в самом бедственном положении, на ее остывавшее солнце, т. е. на Людовика XIV, нашло плачевное затмение. Безвозвратно миновали для него счастливые, ясные дни, и последние годы его жизни, говоря без всякого преувеличения, были годами тяжкого искупления минувшей славы и минувшего блеска.

14 мая 1707 года Людовик XIV праздновал шестидесятипятилетний юбилей своего царствования и мог сказать при этом, что последние двадцать лет разрушили все то, что было делано для славы Франции в первые сорок пять. Ровно через две недели после этого печального праздника на бурбонских водах скончалась герцогиня Монтеспан. Когда она находилась уже в безнадежном положении, приближенные уведомили ее сына (от мужа) маркиза д'Антен. Он подъехал к дому, в котором кончалась его мать, и, не выходя из кареты, спросил у слуги:

– Где ларчик с деньгами и бриллиантами?

– Маркиз, – отвечала, заливаясь слезами, одна из служанок, – герцогиня находится при последнем издыхании…

– Я тебя спрашиваю не об этом, а о ларчике! – перебил нежный сынок. – Подай сюда ларчик.

Служанка вынесла ему объемистый ларец черного дерева и подала в окно кареты.

– Где ключ?

– Надет на шее у герцогини. Я не смею его снять…

– Так я и сам сниму, – сказал маркиз, выходя из экипажа. Поднялся по лестнице в спальню матери, в горле которой переливалась предсмертная хрипота, сорвал с ее шеи шнурок, на котором висел ключ, и уехал.

Вот нравственный вывод, основанный на факте, подобных которому встречались тысячи в тот век, начиная от королевского двора и кончая лачугой последнего свинопаса: чем сильнее

укореняется разврат в государстве, тем равнодушнее становятся люди к жизни и к смерти и к самым узам родства, тогда люди буквально нисходят на степень бессмысленных животных.

Герцогиня Монтеспан завещала, чтобы сердце ее в металлической урне было поставлено в часовне дома св. Иосифа для трудящихся, ею основанного. «Да разве у герцогини было сердце?» – подшутил какой-то придворный остряк, узнав об этом. Маркиз д'Антен, который в этом случае мог бы потягаться с покойной своей матерью, счел, однако же, долгом почтить память ее трауром. Из прочих, побочных детей герцогини это не сделали ни герцог Мэн, ни граф Тулузский, ни герцогиня Конти, ни герцогиня Шартрская. Людовику XIV доложили о кончине бывшей его фаворитки в ту самую минуту, когда он собирался на охоту.

– А-а, – произнес он, осматривая свой костюм, – герцогиня умерла? А какая еще была бодрая и свежая… Странно! Хорошо, что был дождик, – произнес он вслед за этим, – пыль улеглась, и наши собаки побегут бодро!

Маркиза Ментенон изволила присутствовать при заупокойной литургии по герцогине, исказив свою постную физиономию сообразно печальному обряду.

– Ваши сожаления по усопшей, – сказала ей герцогиня Орлеанская, – были бы искреннее, если бы она умерла, когда вы нянчили ее детей… Тогда и Франция, может быть, не проклинала бы ее памяти за то, что она сблизила короля с людьми, омрачающими его славу!

20 января 1709 года скончался духовник короля, знаменитый отец ла Шез, на восемьдесят шестом году от рождения. Место его занял отец ле Теллье, друг и приятель маркизы Ментенон. На первый случай он отрекомендовал себя королю и народу с самой выгодной стороны для первого, а для последнего весьма невыгодной. Намереваясь подписать указ о новых налогах с народа, и без того разоренного войной и неурожаями, король спросил у отца ле Теллье, не будет ли это противно совести?

– Все, что принадлежит подданным вашим, – отвечал иезуит, – все то принадлежит вам. Получая подати с народа, вы получаете свое!

Вступив в должность королевского духовника, ле Теллье начал жестокое гонение на янсенистов и на питомник этой секты – монастырь Пор-Руайяль. Деятельною сподвижницею отца ле Теллье в этом преследовании была, разумеется, маркиза Ментенон. Иезуиты и янсенисты – фарисеи и саддукеи Франции XVII столетия – не могли не враждовать, и исход этой вражды нетрудно было предвидеть, коль скоро сам Людовик XIV был покорнейшим слугою иезуитов. Пор-Руайяль находился в шести

милях от Парижа, между Версалем и Шеврезом. Это был упраздненный женский монастырь, построенный Филиппом Августом. Арно, Сен-Сиран и другие последователи учения янсенизма возобновили обветшалые здания, расчистили сады и вместе со многими сектаторами поселились в этой пустыне, которую можно назвать подобием наших раскольничьих скитов. От отшельника требовалась, во-первых, набожность, чуждая ханжества, во-вторых, он должен был быть милосерд, бескорыстен, целомудрен и исполнен непритворного смирения. Правилом отшельников было изречение св. Августина: «Говори более Богу о людях, нежели людям о Боге» – и правила этого они строго придерживались. В Порт-Руайяль при Людовике XIV стекались люди ученейшие, прославившие свои имена в истории, философии и в литературе. Тут был Демаре – превосходный вития; Дюфосс – автор мемуаров о царствовании Людовика XII, Арно – историк, одинаково искусно владевший пером автора и заступом садовода; Николль,

Тилльемон, Клавдий Лансело и, наконец, великий Паскаль. Точные и умозрительные науки процветали в стенах Пор-Руайяля, и этот раскольничий скит во всех отношениях, нравственном и научном, мог смело соперничать с любой иезуитской коллегией. Общественное мнение приняло сторону янсенистов, и хотя Пор-Руайяль еще в 1679 году повелено было закрыть, он снова превратился в приют янсенистов в последние годы XVII столетия и первые годы восемнадцатого. Отец ла Шез особенно их не преследовал, но ле Теллье решился истребить «гнездо нечестия». Ему не стоило большого труда уверить Людовика XIV, что отшельники Пор-Руайяля, помимо распространения вредной ереси, могут быть опасны отечеству как изменники, клевреты принца Евгения и Мерльборо. Король, запуганный иезуитом, немедленно приказал д'Аржансону разрушить Пор-Руайяль, соседние женские монастыри и даже разорить тамошние кладбища. Королевское повеление было исполнено, и скит янсенистов с его тенистыми рощами и садами исчез с лица земли. Здесь, к слову, заметим, что к числу основных пунктов учения янсенизма принадлежал один, в недавнее время возбудивший живейший спор в католическом мире: пункт о непогрешимости папы. Янсе-нисты отрицали эту нелепость, принять которую за истину может только тупоумное изуверство.

Королевское семейство, в эту эпоху довольно многочисленное, состояло из дряхлых старцев и шаловливых детей, т. е. из людей, переживших из ума, и людей, еще не развившихся умственно. Невестка дофина герцогиня Бургундская особенно отличалась ребяческой шаловливостью и дурачествами,

нередко смешившими короля, несмотря на то что они переходили границы приличия. Принцесса в присутствии придворных теребила короля за нос, за уши; срывала с него парик, заставляла его бегать, прыгать; распечатывала вручаемые ему депеши и, читая их, умышленно перевирала их содержание. Король смеялся, маркиза Ментенон хмурилась. Радея о душевном спасении его величества, она в этих невинных играх не видела ничего доброго. Постоянное обращение старика в кругу молодежи могло, по ее мнению, пробудить в нем греховные помыслы; от помысла недалеко до слова; от слова до дела. Эти опасения старой ханжи отчасти оправдались: Людовик что-то особенно стал любезен с ее племянницею, герцогинею Ноайлль. Ухаживание это, едва ли увенчавшееся успехом, было прибыльно ее супругу, ни за что ни про что произведенному в маршалы. В то самое время, когда Людовик полупотухшими взорами и дрожащим от старости голосом выражал свою нежность герцогине Ноайлль, первая его любовь сестра милосердия Луиза (герцогиня ла Вальер) тихо отошла в вечность. Трижды она умирала для Людовика: в день его охлаждения к ней, в день ее пострижения в кармелитки и – окончательно – в день кончины. Она умерла, заочно благословляя дочь свою принцессу Конти, умерла с молитвою на устах, как праведница, утешая себя словами Спасителя: простится ей многое за то, что любила много. В современных мемуарах находим, что смерть ла Вальер произвела на Людовика XIV тяжелое впечатление: дня два он был грустен, молчалив и задумчив. Смущало его, вероятно, не воспоминание о счастливых днях юности, а, скорее всего, страх смерти, которая невидимкою носилась над ним, выхватывая из среды окружавших его, даже из членов его семейства, многочисленные жертвы.

14 апреля 1711 года в Медоне умер на пятидесятом году от рождения сын короля великий дофин от злокачественной оспы. В первых числах месяца он охотился в окрестностях замка и, отстав от свиты, зашел в крестьянскую хижинку выпить стакан воды. Приближаясь уже к выходу, он заметил в углу на постели больную девочку и спросил, что с ней. Ему отвечали: «Оспа», а крестьянка, бывшая при больной, прибавила: «А нынешний год она зла!» Возвратясь в замок, дофин слег и на четвертый день скончался. При дворе и в народе разнесся слух об отраве, который мог бы подтвердиться при вскрытии, но тело не вскрывали. Тело наследника французского престола предали земле в склепе Сен-Дени, как труп зачумленный. Дофин Людовик, – красивый, стройный, величавый, – отличался леностью, апатией и равнодушием к жизни. Благодаря этой складке характера он при дворе своего родителя был одним из

немногих нравственных людей. Потеряв жену, он тайно обвенчался со своей фавориткой мадемуазель Шуен (Choin), удаленной из Медона в самый день его кончины. Наследником престола был объявлен старший сын покойного герцог Бургундский. Король выдал повеление, чтобы новый дофин принимал участие в заседаниях государственного совета и подавал свой голос – по предварительном совещании с маркизою Ментенон. Взяв в руки дофина, маркиза не могла выпустить из рук и его супруги, в это время бывшей сказкой всего двора вследствие ее связи с молодым герцогом Фронсак. После скандалезной сцены, когда любовник герцогини был найден у нее в будуаре под кушеткою, король, маркиза и герцог Ришелье (отец Фронсака) на домашнем, семейном совещании решили засадить шалуна в Бастилию ради исправления. Будущий герой распутных историй регентства нимало не исправился, а вернее сказать, только развил свои дарования, сидя в тюрьме. Когда он находился в Бастилии, мимо его каземата ежедневно проезжали длинные ряды экипажей, наполненных придворными дамами и девицами, которые этим желали доказать свое сочувствие милому узнику.

1712 год, предшествовавший заключению Утрехтского мира, невыгодного для Франции, был годом тяжких утрат в королевской фамилии: дофина, муж ее и герцог Бретанский сделались добычею смерти. Подробности кончины их сопряжены с таинственными обстоятельствами, еще и доныне вполне не разъясненными.

Года за два перед тем герцог Орлеанский подарил дофине небольшую золотую табакерку, которая в январе 1712 года пропала или была украдена, неизвестно; только она исчезла. Дофина пожалела о потере вещицы, довольно ценной, к которой она привыкла. Ровно через месяц табакерка явилась на ее туалет, наполненная прекрасным испанским табаком, ее любимым. Это было 5 февраля. Взяв щепотку, дофина через несколько часов почувствовала лихорадочную дрожь и слабость во всем теле. Нимало не приписывая этого болезненного состояния действию табака, она захотела понюхать его еще и послала свою придворную даму госпожу Леви в соседнюю комнату за табакеркой, оставленной там на столе. После долгих поисков оказалось, что табакерка вторично пропала, и на этот раз безвозвратно! На другой день после кровопускания дофине было полегче, но на третий (7 февраля) невыносимая головная боль заставила ее слечь в постель. После двух новых страданий больная погрузилась в мрачную задумчивость, и предчувствие смерти не покидало ее до последней минуты.

– Чувствую, что угасаю, – говорила приближенным эта прелестная двадцатишестилетняя женщина. – Скоро, скоро будет траур при дворе… Я вас всех так и вижу в черных платьях… Пройдет срок, вы их забросите куда-нибудь в шкаф, забросите вместе с воспоминанием обо мне… Удел умирающих забвение; вечной памяти нет на земле… только воспоминание более или менее продолжительное. Муж мой забудет меня прежде всех и женится на какой-нибудь монахине!

К вечеру дофина потребовала духовника, и исповедь ее продолжалась около двух часов; потом с ним вместе она сожгла в камине многие бумаги. Скончалась на другой день к вечеру в полной памяти на руках мужа и короля Людовика XIV. На этот раз этот мраморный истукан почувствовал в себе пробуждение чувств человеческих: скорбь его по умершей внучке была глубока и неподдельна. Последний вздох дофины был сигналом к неумолкаемой молве о том, что она была отравлена; подозрение это выразили лейб-медики Фагон и Буден; Ширак утверждал, что Мария Аделаида скончалась от скарлатины.[32] Слухи, однако же, не только не умолкали, но день ото дня усиливались. Убийцами называли или герцога Мэн, или Филиппа Орлеанского, племянника короля. Последний, которому был прямой расчет истреблять наследников престола, занимался алхимическими опытами и имел превосходную лабораторию. При дворе и в народе еще не исчезла память об отравителе ле Саже и злодейках ла Вуазен и Бренвиллье. Со смертию последней секрет состава *порошка наследников* (poudre de succession) мог быть и не утрачен.[33] За два дня перед своей кончиною дофина писала длинное письмо к гвардейскому полковнику Нанжи (Nangis), фавориту мужа и своему возлюбленному. Чтобы замаскировать свою интригу, она приказала ему явно ухаживать за госпожою ла Вальер, невесткою брата знаменитой фаворитки. Ла Вальер перехватила одно из писем, писанных дофиною к Нанжи, и передала это письмо мужу, не сказав, однако, к кому оно писано. Дофин, глубоко обиженный, поверил свое горе тому же Нанжи, который на другой же день, со страху, бежал из Парижа и пробрался за границу… К этому человеку дофина на смертном одре писала свое прощальное письмо. Эта семейная драма набросила мрачный покров на память покойницы в глазах ее мужа; еще того более негодование навлекла она на себя после смерти со стороны Людовика XIV. Духовник ее, монах реколлект, отец Юлиан при сожжении ею секретных бумаг утаил несколько писем и представил их королю. Из их содержания Людовик XIV увидел, что покойная супруга его внука вела переписку с кабинетами держав, которые вели войну с Францией, и

передавала им все государственные тайны. После смерти жены старшего дофина то же самое подозрение отяготело над ее памятью, хотя оно было менее основательно; тут же улики были на лице, и обличителем явился духовник, не постыдившийся *украсть* документы.

На другой день смерти дофины муж ее, герцог Бургундский, заболел лихорадкою, и на этот раз признаки отравления были почти несомненны. Тело больного покрылось сыпью и синеватыми пятнами; он жаловался на жестокий внутренний жар, будто огнем паливший ему грудь и желудок. «Я горю, – говорил он, – но тот огонь, в котором очищаются души наши, еще ужаснее!»

17 февраля над спальнею больного раздались глухие удары молотков: в верхнем этаже заколачивали гроб дофины. Больной, подняв руки вверх, с невыразимой грустью прошептал:

– Погодите немного, я за нею не замедлю!

Действительно, на другой день он скончался, напутствуемый чтением молитв и пением псалмов. Оплакивая внука и наследника своего, дряхлый Людовик XIV был вне себя от отчаяния. Панегиристы герцога Бургундского, щедрые на похвалы, говорят в его биографиях, что он имел все задатки, чтобы быть великим государем и составить счастие Франции. De mortuo nil nisi bonum – о мертвых, кроме хорошего, ни слова – говорили римляне, но если бы люди следовали этому завету, то не было бы и истории. Герцог Бургундский с самых юных лет любил выпить, вкусно поесть, покутить, поволочиться; ко всему человечеству чувствовал глубокую безотчетную ненависть. Воспитатель его Фенелон набальзамировал сухой моралью это испорченное сердце и, думая внушить питомцу правила истинного благочестия, развил в нем то ханжество, которое измеряет любовь свою к Богу количеством молитв, излишней строгостью постов, а любовь к ближнему – осуждением и глупыми сетованиями на развращенность нравов. На престоле герцог Бургундский был бы повторением Людовика XIV, т. е. жалкой бездарностью без гениальных сподвижников и сотрудников в великом деле правления.

Едва дофин испустил дух, как маркиза Ментенон, подобно глашатаю общественного мнения, объявила королю, что герцог Бургундский отравлен, и не кем иным, как Филиппом Орлеанским. Эта весть, переходя из уст в уста, разнеслась в народе, и озлобление последнего на отравителя (настоящего или мнимого) выразилось вечером 22 февраля, когда герцог Орлеанский ехал в Версаль на поклонение телу дофина. В улице Сент-Оноре его карету окружила толпа черни, называвшая его

отравителем, и грозила ему костром на Гревской площади. Какой-то оборвыш, протеснясь до каретной дверцы, закричал ему: «Берегись, Филипп! Из огня костра прямая дорога в адское пламя!» Офицер почетного караула, сопровождавшего герцога, ударил оборвыша шпагою и рассек ему руку. Вид крови и крик раненого разъярили толпу, и герцогу угрожала нешуточная опасность, от которой он избавился благодаря присутствию духа.

– За что вы его ударили? – сказал герцог офицеру и продолжал, бросив кошелек с золотом раненому оборвышу: – Вот тебе на лечение. Побывай у меня в Пале-Руайяле.

Эта взятка, данная представителю черни, угомонила толпу; недавние крики угроз перешли в радостные восклицания; многие вслух хвалили Орлеанского, некоторые даже позавидовали раненому. Пользуясь этим усмирением недовольных, герцог ускакал.

По закону преемником дофина следовало быть старшему сыну, герцогу Бретанскому, но и этот ребенок умер от скарлатины 8 марта; младший его брат герцог Анжуйский был также при смерти… Королевский дворец был тогда похож на чумной госпиталь. Если современники не выразили подозрения на отравление королевского правнука, то мы, потомки, можем предполагать, что злодейская рука, систематически истреблявшая наследников престола, одним ядом не довольствовалась: отравив дофину посредством примеси яда в табаке, мужа ее в питье или кушанье, она могла привить скарлатинную заразу их детям, а этот яд для судебной медицины неуловим. Ребенок умирает скарлатиною, но заразился ли он нечаянно и сам, или зараза передана ему умышленно – этого вопроса не разрешит ни один доктор в мире. *Четвертый* дофин герцог Анжуйский (будущий король Людовик XV) – грудной младенец – заболел тоже какой-то злокачественной сыпью, соединенной с худосочием и признаками сухотки: врачи, отчаиваясь в его выздоровлении, хотя и не решались произнести над ребенком смертного приговора, но ожидали смерти его с часу на час. Герцогиня Ван-тадур, попечительница Анжуйского, вспомнила о венецианском противоядии, о котором ей рассказывала чудеса госпожа Вор-рю, любовница герцога Савойского. По словам последней, это лекарство неоднократно спасало ему жизнь. Но откуда было достать этого чудесного снадобья? Знать о его существовании и не иметь лекарства под рукою значило только увеличивать собственную душевную тревогу и нимало не облегчать страданий больного. Герцогиня Орлеанская, мать Филиппа, услыхав от Вантадур о заботе, сказала ей, что венецианское противоядие есть у него и он с удовольствием доставит его во дворец. С первого

приема больному, видимо, стало лучше, а за последующими он был уже совершенно вне опасности. Это спасение маленького герцога Филиппом Орлеанским не только не сняло с него подозрения в отраве семейства дофина, но еще того более подтвердило его основательность. Вместо всякой благодарности этому *немольеровскому* «лекарю поневоле» (medecin malgre lui) Людовик XIV, подстрекаемый маркизою Ментенон, сказал своему племяннику:

– Если бы вам было угодно, сударь, то у меня в семействе не было бы четырех покойников!

Филипп Орлеанский побледнел, смутился; однако же, собравшись с духом, отвечал:

– Если бы мои обвинители, вместо того чтобы тратить время на клеветы, обратились ко мне с просьбою о помощи больным, я подал бы эту помощь. Пора наконец, ваше величество, разъяснить эти темные дела: я требую над собою формального суда. Гумбер, с которым вместе я занимался химическими опытами, уже отправился в Бастилию по моему совету. Я последую его примеру.

– Я об этом подумаю! – отвечал Людовик XIV, уходя из комнаты.

В тот же день король созвал тайный совет для обсуждения обстоятельств скоропостижной смерти дофина и его семейства и степени подсудности в этом случае герцога Орлеанского. Бовийллье и Поншартрен подали голос против обвинения принца крови и предложили дело это замять, по недостатку прямых улик и во избежание скандала. Прав или виноват был Филипп Орлеанский, но он решился вступить в открытую борьбу с партией маркизы Ментенон, распространявшей о нем самые дурные слухи. Главными коноводами были герцог Мэн и отец ле Теллье. За них первых принялся Филипп. Герцога, приехав к нему в замок Ссо, он в присутствии многочисленного общества вызвал на дуэль, а когда тот уклонился от нее, то Орлеанский потребовал торжественного отречения от всякого участия герцога Мэн в распространении клевет и всяких небылиц на его, герцога Орлеанского, счет. Получив такого рода удовлетворение, герцог Орлеанский отправился к отцу ле Теллье и, сдерживая себя по возможности, начал просить у него содействие к открытию источника клеветы, довольно ясно намекая, что иезуит в этом деле не без греха.

Бесстыдство и маска смирения – надежнейшие орудия многих ксендзов вообще, но иезуитов в особенности, не помогли отцу ле Теллье. Сначала он «клялся и божился», что он никогда ни слова не говорил о герцоге; потом начал грубить и защищаться неприкосновенностью своего сана.

– А я моей тростью докажу вам, – крикнул герцог, – что принц крови имеет право защищать свое доброе имя от всякого наглеца, какого бы он ни был сана или звания.

– Я служитель церкви… Вы забываете это?

– Нет, вы забываете, что служение церкви и наушничество, злоречие и злоба несовместны! В одно и то же время нельзя быть пастырем и волком…

– Но чего же вы желаете от меня, ваше высочество? – смиренно спросил ле Теллье.

– Желаю и требую, чтобы отныне вы употребили все ваше влияние на короля, весь двор и на общественные мнения, чтобы истребить все клеветы на мой счет, истребить до корня. Если вы их распространяли – это недостойно не иезуита, но лица, облеченного духовным саном; если же вы не принимали в этих гнусностях ни прямого, ни косвенного участия, вы опять виноваты: зачем не опровергали клеветы? Во всяком случае, если клеветы не умолкнут, тогда мы с вами объяснимся опять, но уже далеко не так миролюбиво… Понимаете?

И герцог пояснил иезуиту раза два, свистнув своей тростью по воздуху. Свист этот утишил недавнюю бурю, грозившую герцогу Орлеанскому: двор и народ единогласно сознались, что покойные внуки короля скончались волею Божиею не от яду, а от болезней неизлечимых.

Напоминаем читателю, что последние годы царствования Людовика XIV можно назвать годами смерти, а хроники скорбными летописями. В 1714 году 4 мая скоропостижно скончался младший сын покойного старого дофина, внук короля герцог Беррийский. Незадолго перед тем он имел довольно крупное объяснение со своей супругою и в запальчивости поднял на нее… не руку, а ногу, ударив ее пинком. За эту обиду она отомстила мужу на средневековый итальянский лад. Герцог, сопровождаемый супругою, охотился в окрестностях Марли и, гоняясь за волком, сильно разгорячился и попросил пить. Герцогиня подала ему охотничью фляжку с ратафией… Он сделал несколько глотков и часа через полтора почувствовал страшную боль в желудке, которую приписывал сотрясению от того, что конь его споткнулся и он ударился желудком об седельную луку. Это повреждение (если только оно было) свело его в могилу… Таким образом, к последнему году жизни Людовика XIV из многочисленного его потомства (законного) прямым наследником престола остался младенец герцог Анжуйский; правителем королевства по закону мог быть только герцог Филипп Орлеанский – знаменитый регент, превративший дворец королевский в лупанар из гарема, которым он был при Людовике

XIV.

Именно этого законного правителя маркиза Ментенон ненавидела и заодно с отцом ле Теллье решилась всеми силами устранить Орлеанского от регентства назначением в правители *узаконенного* герцога Мэн. Дело это было нелегкое, но чего бы не смогла умная, хитрая женщина заодно с иезуитом? Наша русская пословица говорит: «где бес не сможет, туда бабу пошлет», а тут работали заодно иезуит – умный как бес, и баба, уму которой мог позавидовать любой мужчина. Двор разделился на две партии: герцога Орлеанского и герцога Мэн; первая группировалась в Пале-Руайяле, вторая в замке Ссо, с той и с другой стороны не скупились на сатиры, эпиграммы, памфлеты и пасквили. Эта мелкая перестрелка была заглушена указом 11 июля 1714 года, который громовым ударом оглушил приверженцев герцога Орлеанского: король предоставлял побочным своим детям права принцев крови и наследников престола в случае пресечения династии законной. Этот указ назвали «последним скандалом, достойным образом закончившим скандалезную жизнь деспота». Действительно, бесстыднее надсмеяться над Францией едва ли было возможно! «Провознесенные на эту недосягаемую высоту, – говорит Сен-Симон в своих записках, – побочные дети короля явились к нему в Марли на несколько минут. Герцог Мэн счел необходимым принять вид скромника, избегающего огласки, и был совершенно прав. Двор негодовал и роптал, Париж был взволнован; парламент и начальники провинций королевства не скрывали своего негодования. Госпожа Ментенон, в восторге от улаженного ею дела, принимала поздравление от своих приближенных. Хотя наследников прямых, законной крови, опасаться было нечего, однако же они были на стороне, следили за королем, которого уверяли во всеобщей радости по случаю издания указа, всеми одобряемого. Не очень лестно герцогу Мэн было поздравление от двора унылого, огорченного, смущенного; супруга его ликовала в замке Ссо, проводя время в пирах и забавах».

Около этого времени умерла герцогиня Вернейль, вдова побочного сына Генриха IV, и Людовик XIV облекся на две недели в траур. Выживший из ума старик не только не равнял побочных с законными – он первых ставил выше. Партия герцога Мэн, желая упрочить его права на регентство, намеревалась предложить королю созвать генеральные штаты (государственную думу) для обсуждения этого важного вопроса, но Людовик XIV в этом случае был верен программе своего царствования: его испугали эти штаты, как подобие учреждения республиканского. Совещаться с народом и спрашивать его мнение о своих делах домашних

казалось королю унижением его достоинства. Он отказал наотрез. Пришлось избрать другой способ к устранению герцога Орлеанского от регентства: это могло сделать духовное завещание короля, написанное именно в этом смысле. Но как предложить писать духовную королю, которого называли *бессмертным?* Пришлось исподволь подготовить его к приступлению сочинения этого великого акта. Начали с того, что стали тешить короля всякими забавами, пирами, маскарадами, причем маркиза Ментенон, пользуясь хорошим расположением духа Людовика XIV, весьма тонко, с свойственным ей тактом наводила разговор на права, предоставленные герцогу Мэн на его будущность, и ввертывала слово о ее обеспечении актом законной силы, т. е. духовным завещанием. 2 августа 1714 года король приказал канцлеру Даниилу Франциску Вуазену составить проект духовной; канцлер повиновался скрепя сердце, ибо сам принадлежал к партии Орлеанского. В воскресенье 27 августа Людовик XIV призвал к себе в кабинет первого президента Мема (de Mesme) и генерал-прокурора Дагессо, вручил им конверт, запечатанный семью печатями, сказав при этом:

– Вот моя духовная, господа; кроме меня, содержание ее никому не известно. Вверяю ее вам для сдачи на хранение в парламенте, которому не могу лучше выразить мое уважение и доверие. Мне памятна участь духовной покойного моего родителя; моя может подвергнуться ей же, но так *хотели* другие; меня мучили, мне надоедали. Возьмите; будь с нею что будет. По крайней мере, теперь меня оставят в покое.

В этом завещании король, не отнимая регентства у герцога Орлеанского, назначил его председателем небывалого государственного совета. Опекуном малолетнего короля (Людовика XV) и генерал-фельдмаршалом назначался герцог Мэн. В понедельник (28 августа) в Версаль приехала королева английская и поздравила короля с подвигом обеспечения блага государства в будущем. Он отвечал ей:

– Да, я диктовал мое завещание, но боюсь, чтоб с ним не случилось того же, что было с духовною моего отца.

Дней восемь после того король был в весьма мрачном настроении духа. Партия Ментенон торжествовала, но канцлер Вуазен чрез маршала Вилльруа предложил Филиппу Орлеанскому передать содержание духовной из слова в слово с условием получить за это 400 000 ливров и сохранить место государственного канцлера. Благодаря нескромности Вуазена протестанты и янсенисты узнали, что в завещании есть статья, обрекавшая их на новые преследования. Этого было достаточно, чтобы они присоединились к партии Орлеанского; вскоре она

усилилась и многими вельможами феодального закала, которым деспотизм Людовика XIV был невыносим. Завещание было замуровано в стену одной из башен палаты Правосудия (Palais de Justice), в комнате, помещавшейся рядом с кабинетом первого президента. Ниша была защищена железною решеткою и таковою же дверью с тремя разными замками. Первый ключ был отдан президенту; второй генерал-прокурору; третий генеральному повытчику парламента. Весь Париж, зная, что духовное завещание написано, терялся в догадках и предположениях. Большинство угадывали инстинктивно, что регентом назначен герцог Мэн.

С сентября 1714 по июнь 1715 года здоровье Людовика XIV, видимо, ослабевало, и слухи о близкой его кончине носились по городу. Лорд Стэр (граф Дельрихипль) бился об заклад, что Людовик не доживет до сентября месяца. Вообще в Англии состоялось тогда множество громадных пари на жизнь короля французского; о них было даже напечатано в газетах, к несчастью, и в голландских, которые обыкновенно читал королю Торси. Напав на эту статью, чтец остановился и пропустил ее, перейдя к следующей. Король заметил его смущение и настоятельно требовал, чтобы он читал без пропусков; приказал прочитать пропущенное и выслушал с притворным равнодушием. Это было в предобеденную пору. За столом Людовик XIV накладывал себе на тарелку вдвое более кушаньев, говоря присутствовавшим, что аппетит у него еще не пропал, что он прекрасно себя чувствует. Однако же кусок останавливался у него в горле, и по временам на него нападала не то задумчивость, не то рассеянность.

Первые признаки старческой изнурительной и неизлечимой болезни обнаружились у короля в начале августа 1715 года. Он как-то весь опустился, сгорбился и ослабел, несмотря на все усилия преодолевать слабость и бодриться. В пятницу 9-го числа он ездил на охоту в коляске, которою сам правил; 11 августа заседал в совете и гулял по саду Трианона. Это был последний его выход. До 23-го числа он еще занимался государственными делами и принимал министров; в этот день он написал добавочную статью к духовному завещанию, назначая Флери наставником, а ле Теллье духовником малолетнего своего наследника. Приверженцы герцога Мэн окружали старика и толпились около него, как рой мух над куском меду. 24 августа у больного на левой ноге показались пятна антонова огня. 25-го он назначил смотр кавалерии, но принужден был поручить сделать его за себя герцогу Мэн. Это было в самый день именин умирающего; к вечеру ему стало, видимо, хуже; созвали консилиум. Лейб-медики Фагон и Марешаль предложили прибегнуть, вместо помощи врачебной, к помощи небесной.

Явились ле Теллье, кардинал де Роган и священник церкви Версальской Богоматери; больного причастили и соборовали. После того он с четверть часа очень ласково разговаривал с герцогом Орлеанским наедине; потом точно так же беседовал с своими побочными сыновьями: герцогом Мэн и графом Тулузским. Посеяв между ними раздор, бедный старик надеялся примирить их. На другой день король прощался со всеми придворными и благословил своего правнука и наследника:

«Дитя мое, – говорил он ему, – вы скоро будете повелителем великого королевства. Никогда не забывайте Бога, которому вы обязаны всеми вашими благами. Старайтесь сохранять мир с соседями. Я слишком любил войну, в этом, а равно и в расточительности не подражайте мне; не избегайте добрых советов. Тягости подданных облегчайте неотлагательно и исправьте все, что я не имел счастия исправить».

Эти слова были записаны на мраморной доске, которую вделали в стену у изголовья постели будущего короля… Ни одно из этих слов не врезалось ему в память, и все его царствование было им живейшим противоречием.

Во вторник 27 августа, призвав к себе маркизу Ментенон и канцлера Вуазена, умирающий сжег многие секретные бумаги; потом поручил бывшему канцлеру Поншартрену исполнить его предсмертную волю: отдать его сердце в церковь иезуитов. Им оно должно было, конечно, принадлежать после смерти короля, так как они наперекор словам Писания: «сердце царево в руце Божией!» владели им и при жизни Людовика XIV. Впрочем, это желание умирающего было осмеяно каким-то шутником, пустившим в ход следующее четверостишие:

C'est done vous troupe sacree
Qui demandez le coeur du roi?…
Ainsi d'un vieux cerf aux abois
On donne aux chines la curee![34]

Окончив предсмертные свои распоряжения, Людовик XIV сказал маркизе Ментенон:

– Мне всегда говорили, что умирать очень тяжело… Я приближаюсь к последней минуте, но не могу сказать, чтобы это было трудно…

– Тяжело умирать тому, – отвечала ханжа, – кто слишком привязан к земному, в чьем сердце есть ненависть, на чьей совести есть какие-нибудь обязательства…

– Их у меня нет как у человека, как король я уповаю на милосердие Божие.

Ночь больной провел тревожно и часто молился. Под утро он успокоился и говорил о предстоящей кончине с твердостью

стоика. Припоминая минувшее, он выражался о себе уже в прошедшем наклонении… Когда *я был* королем. Маркиза не отходила от него ни на шаг; бывшие в комнате камер-лакеи плакали.

– Зачем вы плачете? – сказал король. – Когда же и умирать, если не в мои годы… Или вы думаете, что я бессмертен?

Потом, обращаясь к маркизе Ментенон, он продолжал:

– При предстоящей нашей разлуке меня утешает мысль, что она не будет продолжительна… Мы скоро свидимся!

Старуха переменилась в лице и, встав с места, отошла от постели больного, пробормотав: «Очень любезное утешение! Эгоистом жил, эгоистом и умирает!» Обиделась ли она на короля или не желала долее расстраивать свои нервы, присутствуя при его агонии, но она немедленно уехала в Сен-Сир… Роль ее была отыграна.

Герцог Мэн делал распоряжения к созванию государственного совета тотчас по кончине короля. Ее ожидали с минуты на минуту. В этот самый день (28 августа) во дворец явился некто Лебрен, доктор-эмпирик из Марселя, предлагая королю эликсир собственного изобретения, излечивающий все болезни. Придворные врачи дозволили испытать это новое средство; лейб-медик Фагон, вступивший было в спор с Лебреном, принужден был умолкнуть пред шарлатаном… Прием нескольких капель эликсира в малаге придал бодрости Людовику XIV и оживил его, точно так же, как оживляет умирающего прием мускуса или сумбула… 30 августа началась агония, а в воскресенье 1 сентября 1715 года в восемь часов с четвертью утра Людовик XIV испустил последний вздох. Закатилось версальское солнышко!

Маркиза Ментенон пережила Людовика тремя годами (она скончалась в 1718 году), проводя свои дни в молитвах, в слушании чтения душеспасительных книг и в чтении нравоучений воспитанницам Сен-Сира. Петр Великий в бытность свою в Париже в 1717 году посетил маркизу Ментенон и, невзирая на ее отказ принять высокого гостя, без церемонии прошел к ней в спальню и, отвернув занавеси постели, несколько минут смотрел на эту полуживую развалину женщины, игравшей такую великую роль в течение тридцати пяти последних лет долговременного царствования Людовика XIV.

Насколько этот король был велик как правитель – этот вопрос решит история; насколько он был ничтожен и слаб как человек, о том, смеем думать, дает некоторое понятие наш очерк.

notes

Примечания

1

Марии Манчини, сестры Олимпии и Лауры. Последняя (о которой мы упомянули в заголовке нашей статьи), выданная за герцога Вандомского, по сказаниям скандалезных хроник, подобно сестрам, также пользовалась расположением Людовика XIV и даже была слишком к нему снисходительна. Сен Симон в своих записках говорит, будто в одно прекрасное утро кто-то из придворных застал короля и Лауру Манчини в так называемой «преступной беседе», что весьма сомнительно. К чему излишняя грязь на страницах истории, без того грязных?

2

Впоследствии маркиза де Монтеспан, счастливая соперница девицы ла Вальер.

3

Рассказ ведется, как мы выше говорили, от имени Генриэтты Английской.

4

В оригинале весьма непристойно выражение petite catau, которое мы нерешаемся переводить буквально. Сам автор делает оговорку, оправдывая выражение, употребленное королевою, незнанием ею французского языка.

5

B u s s y-R a b u t i n. Discours sur les ennours du Roi et de mademoiselle de la Vallиre.

6

По другим сказаниям, ла Вальер удалилась в монастырь бенедиктинок в Сен Клу.

7

Jamais surintandant n'a trouve de crueLLe!

8

Герб Фуке, изображавший белку, был украшен девизом: «До чего не достигну?» (Quo non ascendam?).

9

Ламуаньон запретил представление Тартюфа на сцене, и весть эта пришла в Бургонский отель в то самое время, когда публика стояла у дверей, ожидая впуска в театральную залу. Отмена спектакля была причиною шума и беспорядка, полиция поручила самому Мольеру успокоить и урезонить недовольных. Выйдя на балкон, великий драматург сказал шумевшим: «Господа, Тартюф отменяется потому, что первый президент Ламуаньон не желает, чтобы его представляли!» Хохот и рукоплесканья были единодушным ответом этому двусмысленному оправданию, тем более остроумному, что к нему невозможно было сделать ни малейшей придирки.

10

Беррье – один из судей – взбесился во время процесса, но по выздоровлении продолжал заседать в комиссии.

11

La corde de Fouqnet est maintenant a vendre; Nous avons de quoi l'employer: Colbert, Sainte Helene, Berryer, Passort, Noguet, Herault, Poncet le chancelier… Voila bien des voleures a pendre, Voila bien des fous a lier!

12

Подробности процесса и смерти Фуке (в 1680 году) читатели могут найти в любопытной монографии Тонена «Железная маска».

13

C a p e f i g u e. Mademoiselle de la Vallиre. Paris in 12, 1859, p. 76 etc.

14

Капфиг недолюбливает этого знаменитого ученого, по его словам, Петр Гассанди был достоин костра как еретик.

15

Grand roi cesse de vainere ощ je cesse d’e crire.

16

Людовик де Бурбон (род. 27 дек. 1663 г., ум. 15 июля 1666 г.). Мадемуазель де Блуа (род. в 1665 г.), герцог Вермандуа (род. в октябре 1667 г., умер в 1683 г.). Биографические подробности об этом сыне ла Вальер находятся в сочинении Тонена «Железная маска».

17

Брат Людовика Виктор де Рошмуар, герцог де Вивонь родился 16 августа 1636 года и был флигельадъютантом короля. Старшая сестра Габриэль, маркиза де Тианж была с 1655 года замужем за Клавдием де Дама. Младшая из сестер Мортемар, Магдалина, была аббатисою женского монастыря Фонтерво, поль–зовавшегося издревле весьма соблазнительной репутацией.

18

Биография этой фаворитки будет помещена ниже, в обзоре царствования Карла II.

19

«Да здравствует Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» Так в римских цирках здоровались с императорами выходившие на арену гладиаторы.

20

Вторая супруга герцога Орлеанского.

21

Слово испанское m e d i a n o c h e, то есть полунощничанье, означает скоромный ужин, которым заканчивается постный день или, вернее, встречается праздничный.

22

Так называли Франциску, намекая на долгое ее пребывание на острове Мартинике.

23

Из всех произведений шутливого поэта ни одно, по нашему мнению, недостойно такого внимания, как его эпитафия, может быть, именно потому, что в ней Скаррон, сбросив личину шутника, является скорбящим, утомленным жизнью страдальцем: Celui qui ci maintenant dort Fit plus de pitie que d'envie Et souffrit mulle fois la mort, Avant que de perdre la vie… Passant, ne fais ici de bruit Et crains bien qu'il ne s'eveille… Car voici la premiire nuit Que le pauvre Scarron sommeille! Вот ее подстрочный перевод: «Покоящийся здесь возбуждал в людях более жалости, нежели зависти, и прежде нежели пресеклась его жизнь, испытывал тысячи смертей. Прохожий, проходи тише, не буди его… Для него наступила ночь, в которую он уснул».

24

Всех детей было пятеро: 1) умер в младенчестве, 2) герцог Мэн, 3) граф де Вексен, 4) мадемуазель де Нант, 5) мадемуазель де Шартр.

25

Хотя Тонен в своей монографии о таинственном арестанте Бастилии и раз– решает вопрос о том, кто был «железная маска», но мы не видим, однако же, причин верить ему на слово.

Оно сопровождалось истязаниями и казнями. По распоряжениям Лувуаза за проповедниками следовали конные отряды, выжигавшие деревни протестантов и вешавшие непокорных.

27

В записках маркиза де Сурш находим следующий анекдот. Маркиз де Вард по возвращении из изгнания, будучи во дворце, поклонился кому-то в при– сутствии короля. «Вард, – сказал Людовик XIV, – вы забыли, что при мне никому не кланяются?» – «Государь, – отвечал маркиз, – кто же на моем месте после долгого отсутствия от вашего двора не лишился бы памяти?..»

Mademoiselle de la Valliиre, p. 221.

29

Известны ли тебе Астини горделивой Паденье и позор, ее замену мной?

30

К вам прелесть чудная влечет меня, манит И сердца моего вовек не утомит! Немножко похоже на конфетный билетец. В «Эсфири» Расин вообще очень приторен.

31

И легковерный царь указ этот подписал!

32

Придворный Гондрен (de Gondrin), которого попотчевала табаком из роковой табакерки дофина, умер от такой же загадочной болезни, как и она сама.

33

Маркиза Бренвиллье (Brinvilliers) и ла Вуазен, французские Локусты XVII столетия, продавали ядовитые порошки детям, желавшим скорее получить наследство после заживших родителей, и супругам, желавшим отделаться от нелюбимых супругов. В их процессах замешаны были многие дамы знатнейших фамилий, и для суда над отравительницами была наряжена особая комиссия, названная огненною палатою (chambre ardente). Маркиза была казнена в 1667, а ла Вуазен в 1680 году.

34

Итак, почтенные отцы, вы испросили себе сердце короля? Собакам обыкно– венно дают внутренности затравленного оленя!